

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Открытие конференции

Чернышов Ю.Г.: Открываем нашу конференцию. Первому я хотел бы предоставить слово Владимиру Николаевичу Владимирову, декану нашего исторического факультета. Выражаем ему огромную благодарность за поддержку нашей конференции, которая во многом благодаря университету и факультету продолжает существовать.

Владимиров В.Н. Уважаемые коллеги! К сожалению, сейчас в разгаре приёмная компания, и принять полноценное участие в вашей конференции не представляется возможным. Поэтому я ограничусь только поздравлениями. По-моему, это уже 10-я по счёту конференция, то есть юбилейная. Я надеюсь, что юбилейная конференция пройдёт с не меньшим размахом и с не меньшей пользой, чем предыдущие.

Политика – это такое дело, в котором играют большую роль эмоции, поэтому любая аналитическая компонента, которую представляет ваша конференция, очень важна, потому что она позволяет эти эмоции направить в нужное русло. Я надеюсь, что когда-то в нашей стране политика будет именно делом учёных, делом аналитиков, прежде всего, и тогда она будет совершенно нормальной и совершенно здоровой, поскольку будет делаться здравомыслящими людьми.

Я желаю успеха вашей конференции. Труды её достаточно широко известны. Я только что вернулся из Москвы, и там многие меня спрашивали по поводу этой конференции, но, к сожалению, не каждый год удаётся такая финансовая поддержка, которая обеспечила бы полноценный приезд людей. Поэтому я хочу выразить благодарность всем, кто смог приехать на эту конференцию, смог прийти, принять в ней участие. Я даже не желаю успехов, потому что я думаю, что никакого сомнения в этом нет. Спасибо.

Чернышов Ю.Г.: Спасибо, Владимир Николаевич!

У нас предполагается сегодня открытие конференции, где прозвучат три доклада. Эти доклады представляют тематику трёх заседаний, которые запланированы. Первое заседание – «Проблемы идентичности в истории международных отношений в Европе в XIX – XXI вв.». Второе – «Этнические стереотипы и их влияние на межнациональные отношения на постсоветском пространстве». И третье – «Идентичность населения Алтая и развитие внешних связей».

Эту конференцию мы уже начали проводить в Интернете, на сайте auditorium.ru, там уже удалось провести широкое обсуждение, там выставлены 48 докладов, там представлены авторы не только из России, но и из других стран, из ЮАР, Казахстана, Украины, а также из 19 городов

России. Самая разная тематика докладов. Все эти доклады мы надеемся опубликовать в нашем очередном сборнике вместе с тем обсуждением, которое будет сегодня. Сегодня мы продолжаем эту дискуссию.

Говоря в целом о традиции проведения наших конференций, можно отметить, что, действительно, она существует с 1996 г. Ежегодно мы проводили такие конференции при разных помощниках, учредителях, но, тем не менее, традиция не прерывалась, и свидетельство тому – сборники, которые издавались, они все здесь лежат. Мы провозгласили принципы: неангажированность, научность и демократизм, и наша неангажированность подтверждается, в частности, тем, что не каждый год у нас появляются гранты, к сожалению, но, тем не менее, мы продолжаем эту традицию.

В этом году к нам приезжают две группы гостей. Одна группа уже здесь. Это три наши гости из города Усть-Каменогорска, Восточно-Казахстанская область, Республика Казахстан. И вторая группа – это четверо преподавателей из Томска. Есть также гость из Новосибирска, Сибирского отделения РАН. Спасибо им всем, что смогли приехать!

Мы ведём стенограмму, аудиозапись, и после каждого доклада, очевидно, будет обсуждение. Пожелания по регламенту отражены в программах. Доклады до 15 минут, выступления до 2 минут и желательно, чтобы в целом обсуждение одного доклада занимало до 10 минут, в зависимости от того, насколько это вызовет интерес. В целом, мы с вами здесь находимся в абсолютно свободном режиме, не скованы никакими особыми рамками, и наша задача – содержательно обсудить главные проблемы.

По поводу темы. Тема была предложена на прошлой конференции. Тогда у нас были гости из Москвы, в частности, Филиппов Василий Рудольфович, профессор, специалист по этническим отношениям. Тогда была обозначена тема «Национальная, региональная идентичность». Это тема достаточно новая для отечественной науки, и сейчас она очень активно обсуждается. Нам показалось, что её действительно надо обсуждать, потому что это определённый ключ, инструмент к пониманию многих современных процессов. Скажем, то, что произошло на Украине, так называемая «оранжевая революция»: на самом деле, её нельзя понять до конца, если не учитывать проблему национальной идентичности. Эти вещи надо учитывать, чтобы правильно реагировать на ситуацию.

Каков вектор развития России? Это главный вопрос. Этому посвящено первое заседание. Как Россия соотносится с развитием Европы? То ли мы идем вместе с Европой, то ли параллельно, то ли мы, наоборот, движемся в противоположных курсах. У нас есть официальная

позиция на этот счёт, есть позиции некоторых партий, прямо противоположные, есть позиции в массовом сознании, тоже довольно противоречивые. И эта неопределённость, отсутствие ясного ответа на вопрос: «Как соотносится развитие России с развитием Европы?», наблюдается уже достаточно давно. Решение этого вопроса влияет на решение множества практических вопросов.

По СНГ мы тоже поставили отдельное заседание, по постсоветскому пространству. Там в последнее время, вы знаете, очень часто обостряются межнациональные конфликты, очень часто высказываются претензии представителями одного народа по отношению к другим, в частности, актуализировались антирусские настроения во многих республиках. С другой стороны, есть и обратная реакция в России. Всё это опирается на некие психологические механизмы, в частности, на этнические стереотипы, ксенофобию. Об этом тоже надо говорить, это надо преодолевать, чтобы у нас развивались нормальные добрососедские отношения.

Что касается региональной идентичности, то эта тема тоже важнейшая, и она пока тоже мало учитывается. Сейчас в России идёт реформа федеративного устройства, у нас пытаются укрупнить регионы, перекроить карту. Насколько это учитывается? То, что существует некая идентичность у населения разных регионов, об этом стоит говорить. Я думаю, что мы по результатам нашего обсуждения сделаем определённую аннотацию наиболее интересных идей и донесём это всё до представителей власти и на местах, и в Москве. У нас есть каналы, по которым мы можем это сделать.

Вот такие предварительные замечания по порядку нашей работы, и теперь мы можем перейти к тем докладам, которые у нас заявлены.

Обсуждение доклада Глушкова А.Е.

Козлов В.А.: У меня возникли некоторые вопросы по ходу Вашего выступления, в частности, Ваша мысль о том, что национальное самоопределение Германии, национальная идентичность, достигались не столько столкновениями с внешними силами, сколько столкновениями между немцами. Некоторое возражение и вопросы вызывает даже не тот известный факт, что Германия обрела свою нынешнюю национальную идентичность после франко-прусской войны 1870–1871 гг. Но я полагал, что чувство национальной идентичности, национальное сознание, его заметный рост наблюдается как раз в связи с французским хозяйничаньем, с наполеоновским хозяйничаньем в Германии. Именно тогда тот национализм, который был достоянием кучки немецких интеллигентов, начинает проникать в народные массы. Известно, что это, в конечном счёте, для Пруссии, во всяком случае, означало. Можно

было бы и так, наверное, говорить, если бы считать австрийцев частью немецкой нации, но, как мне предполагается, ни сами австрийцы, ни немцы так не считают, то есть, прусско-австрийскую войну, наверное, тоже нельзя считать немецким столкновением. Это первое.

И второе. По поводу германского милитаризма, германской агрессивности. Вам не кажется, что в таком отношении Германия конца XIX – начала XX вв. чувствуется немножко то, что не она оказалась победителем в этой войне. Германии просто пришлось в условиях тогдашних нравов пробивать себе место под солнцем, но и, по всей вероятности, других вариантов выйти в число мировых лидеров, наверное, не было. Либо ей оставаться Швейцарией, но Германия слишком большая страна для того, чтобы ей оставаться Швейцарией, либо наращивать мускулы.

Глушков А.Е.: Я понял Ваш вопрос. Во-первых, по поводу, с кем немцы воевали. Я уже сказал, что как раз возникновение в центре Европы мощного германского государства противоречило интересам других великих государств, и естественно, они препятствовали этому объединению, в том числе и французы, и не только французы. Что касается войны между собой, то, естественно, мы знаем из истории, что Пруссия и Австрия сражались за объединение. Каждая хотела объединить отдельные немецкие княжества, государства вокруг себя. И действительно, эта тенденция к единству, создание мощного германского государства, оно не остановило немцев. Этот рывок к мировому господству – это не выдумка марксистов, это признают и сами немецкие историки, и много пишут об этом. В начале 60-х гг. вышла книга одного немецкого историка, Фишера, именно под таким названием: «Германский рывок к мировому господству». Эта книга произвела большой фурор в Германии. И немцы действительно задумались о своей политике накануне Первой мировой войны. Что касается последствий первой мировой войны, то действовать нравственными категориями в политике – «справедливо – не справедливо» – мне кажется, это не оправданно и рискованно. Когда говорят о том, что Версальский договор был не справедлив по отношению к Германии, то у меня сразу возникает вопрос: «А была ли справедлива Германия к другим государствам, которые она побеждала? Была ли справедлива Германия к России в Брест-Литовске? Была ли Германия справедлива к Румынии, диктуя ей жёсткие условия мира?». Я не хочу сказать, что немцы плохие или хорошие, я говорю о фактах. Немцы после Версаля говорили о справедливости, о снисхождении к себе, но они забыли о том, что они не были справедливы и снисходительны по отношению к тем государствам, которых они победили в Первой мировой войне. Россия, если вы пом-

ните, потеряла почти всю европейскую часть по Брест-Литовскому миру, потеряла Донбасс, потеряла промышленность, потеряла железные дороги, потеряла более 50 млн. чел. Это справедливо или не справедливо? Что касается Версальского договора, то он сохранил Германию как единое национальное государство, она не была расчленена, она потеряла прежде всего те территории, где в большинстве проживали не немцы, те территории, которые она получала по разделам Речи Посполитой, когда получала Пруссию.

Кругова Н.И.: Анатолий Ефимович, на Ваш взгляд, насколько реально существование национальной идентичности без государственного самоопределения? Как это соотносится между собой?

Глушков А.Е.: Мне кажется, что для разрешения проблемы национальной идентичности в рамках многонациональных государств нужно использовать, прежде всего, принципы автономии и федерализма. И, скорее всего, даже не союзнические отношения, мы помним этот союз, который у нас уже существовал, который фактически во многом игнорировал политические, национальные интересы народов, проживающих на его территории. Вы помните так называемую новую общность – «советский народ»? Вот эта новая общность и привела в конечном счёте к развалу государства.

Монина Л.В.: Можно ли говорить о национальном самоопределении поляков?

Глушков А.Е.: Несомненно, можно, поскольку национальное самоопределение поляков произошло гораздо раньше, чем во многих европейских государствах. Речь Посполитая, основу которой составляли поляки, это государство уже было во многом польским государством. Поляки к тому времени сформировались как нация.

Кругова Н.И.: Мне кажется, что эти понятия: национальная идентичность, политическое самоопределение, государственность, включение в состав государства – это вообще понятия разного уровня. Национальная идентичность – это понятие, относящееся к характеристике общественного сознания. А в критике общественное сознание учитывают или не учитывают. Само наличие такой черты общественного сознания, как национальная идентичность, можно учитывать, а можно не учитывать. Но, как всякая категория общественного сознания, она имеет определённые пути формирования. В этом смысле, надо развести понятия «национальная идентичность» и «государственная идентичность». Анатолий Ефимович говорил, что национальная идентичность сформировалась на юге Европы, на Балканах, под Османским игом, и именно в условиях господства Османской империи сформировалась национальная идентичность народов, проживавших там. И хотя

они не имели вообще никакой государственности, национальная идентичность, тем не менее, сформировалась. А затем, когда стали возникать многонациональные государства, эта национальная идентичность не была использована и превратилась, по существу, в препятствие для дальнейшего развития региона в целом. Мне кажется, речь должна идти о том, что, как всякое свойство общественного сознания, и национальная, и государственная идентичность поддаются корректировке, есть способы воздействия на общественное сознание. Причём национальная идентичность – это то, что глубже заложено в общественное сознание, существует независимо от политических условий, а то, что является государственной идентичностью, должно каким-то образом воспитываться. То есть, например, в условиях многонационального российского государства национальная идентичность существует, хотим мы этого или нет. Восприятие народа как россиян, чтобы татарин мог воспринимать себя и татарин, и мусульманином, и россиянином, для этого нужно прилагать усилия. Национальная идентичность существует, у неё есть различные характеристики, она мифологизирована в значительной мере, история как таковая тоже является частью национального самосознания, но, на мой взгляд, политика только использует само существование «национальной идентичности», и часто во вред.

Глушков А.Е.: Во-первых, я, как Вы заметили, не рассматривал процесс развития национальной идентичности, я подчёркивал, что этот процесс национального самосознания шёл в рамках иностранного господства. Я разделяю это мнение. Я просто хотел сказать, как в международных отношениях, в международном праве, преломляется эта проблема национальной идентичности. То, что это процесс самостоятельный, в этом я не сомневаюсь.

Хилькова Н.В.: Уважаемый Анатолий Ефимович, Вы сказали, что такая общность, как «советский народ», привела к развалу Советского Союза. Вы не могли бы пояснить свою мысль?

Глушков А.Е.: Да, могу пояснить. Ведь эта общность фактически игнорировала культурные, национальные особенности народов, которые составляли Советский Союз. Проблема русификации, проблема насаждения русского языка как общегосударственного языка и вела к этому. Не буду дальше развивать эту мысль.

Заусаева Н.А.: Я бы хотела несколько слов сказать в продолжение выступления Натальи Ильиничны по поводу различения государственной и национальной идентичности. С точки зрения теории нации в политологии существуют два подхода к пониманию «нации». Один, его часто называют французским, – то есть, если Вы принадлежите к дан-

ному государству, то, соответственно, Вы француз. С точки зрения этого подхода, конечно, государственная и национальная идентичность – это одно и то же. Если мы нацию выделяем по признакам: общность территории, культуры, самосознания и т.д., то здесь эти понятия будут различаться. Скорее всего, совершенно верно, в политическом сознании элементы национальной идентичности находятся глубже, потому что это и национальный характер, и какие-то неосознаваемые компоненты политического сознания, и национальный склад и т.д.

У меня к Анатолию Ефимовичу такой вопрос. А вот с позиций сегодняшнего дня, можно говорить о национальной идентичности немцев? Всё-таки, здесь прозвучало в вопросах и комментариях, что немцы сегодня отличают себя, допустим, от австрийцев. Мне кажется, что здесь вопрос достаточно спорный. С позиции России кажется, что немцы считают себя единой нацией, а когда с немцами говоришь, они высказывают совершенно иные мнения, они не чувствуют себя единой нацией. Например, саксонцы говорят, что им ближе австрийцы, нежели баварцы.

Глушков А.Е.: Несомненно, немцы сложились как нация, но с большими региональными особенностями в характере, диалектах, с определёнными культурными традициями. Конечно, преобладает «hoch Deutsch» как государственный язык, но, если мы слушаем жителей Баварии или Саксонии преклонного возраста, то они порой могут друг друга не понять. Возьмите у нас – Вологда, Москва, Сибирь. Диалекты существуют, существуют особенности языка, культуры, традиции, и они сохранились. Но в то же время есть централизованное государство, созданное Бисмарком. Конечно, оно объединило немцев, решая общегерманские проблемы. Что касается австрийцев, то мне представляется, что современная Австрия и современные австрийские немцы – это вполне сложившаяся нация, хотя до Второй мировой войны было широко распространено мнение, что Австрия – это лишь часть Германии, это «Ostmark», и на этом основании и шёл аншлюс Австрии.

Дитц А.Х.: Я опять о конкретике. Я вообще-то никогда не употреблял такое слово, как «справедливость». Конечно, речь идёт не о справедливости. О справедливости, наверное, стоит говорить, когда мы начинаем оценивать, что стоит за тем поворотом в немецкой историографии, когда они признали милитаристское прошлое своей страны. Ведь этого не произошло после Первой мировой войны, я во всяком случае, не в курсе того, что началось это покаяние. Такая позиция большинства немецких историков, которые занимаются этой проблематикой, это уже результат денацификации Германии. В этом плане,

если бы у нас было нечто подобное – денацификация – мы бы, наверное, под другим углом взглянули на своё историческое прошлое. Я хотел сказать, что речь идёт не о справедливости, а о том, что в той системе международных отношений у Германии не было другого пути, как развивать свою военную экономику для того, чтобы войти в число великих держав.

Глушков А.Е.: Тут я могу не согласиться. Путь был, и он вполне осуществлялся, поскольку Версальская система, которая была принята в 1919 г., не была застывшей. Она прошла определённый путь развития, эволюции. Ведь устойчивость этой системы заключалась не в том, что она как была рождена, так и осталась неизменной. Известно, что западные державы, составившие основу этой системы, шли на уступки Германии. Это и кредиты, которые стали основой возрождения германской экономики, это определение фактического согласия с германскими претензиями на пересмотр восточных границ, это известная Локкарнская конференция, это, в конечном счёте, отмена репараций, это признание равенства вооружений Германии с другими государствами. И вот этот путь был более плодотворным, чем тот, на который они встали в конце 30-х гг., начиная с 1933 г. Этот путь взаимного компромисса был более плодотворен, но приход радикальных сил в Германии отнёс этот путь развития международных отношений и отверг место Германии в этой системе международных отношений. Я думаю, если бы не Гитлер, то процесс эволюции Версальской системы прошёл бы безболезненно.

Дитц А.Х.: Анатолий Ефимович, я ведь говорю не о событиях 20–30-х гг. XX в., но Вы употребили такой подход применительно ко второй половине XIX в. Обозначили особое место Германии, или я не правильно понял?

Глушков А.Е.: Я говорил и об этом. Да. Именно создание германской империи породило у большинства немцев, особенно в политических кругах, такое мнение, что Германия может всё, если она объединилась, то она может объединить и Европу. Это идея «Срединной Европы». Пути создания «Срединной Европы» были различны, но проблема колоний, проблема господства в Европе стояла. Немцы её поставили и пытались разрешить. Конечно, Первая мировая война, как война мирового события, имела много многофакторных причин (экономические противоречия и прочее), но, поскольку мы говорили о Германии, то Германия имеет свою немалую долю в этих причинах.

Чернышов Ю.Г.: Спасибо докладчику. Я бы просил по ходу сразу фиксировать проблемы, которые нуждаются в более глубоком обсуждении, и может быть, на будущее мы их вынесем на следующие кон-

ференции. Здесь, по-моему, обозначилась очень важная и серьёзная проблема – были ли альтернативы развития разных стран, Германии, России и т.д. Об этом надо отдельно говорить. Есть разные мнения. Они сейчас зафиксированы, но дальше мы должны уже двигаться по тематике нашей программы.

Обсуждение доклада Тарасовой Е.В.

Дитц А.Х.: Уважаемая Елена Владимировна, я хотел бы поинтересоваться, Вы не могли бы привести цифры, сколько мигрантов из Казахстана, которые поступают в сибирские вузы, являются русскоязычными, и сколько является непосредственно казахами? И есть ли примеры, когда российские молодые люди поступают в казахстанские вузы, и в какие именно?

Тарасова Е.В.: Действительно, очень интересный аспект. По поводу количественных характеристик мы столкнулись с такой проблемой, что официальная статистика не может зафиксировать полностью весь поток учебной миграции, потому что нет возможности на сегодняшний день выявить точно мотивы миграции. Именно по мотивам мы квалифицируем эту миграцию как учебную. В рамках семейных каких-то стратегий часто реализуется эта учебная миграция.

Что касается общего числа студентов, которые поступали в вузы Барнаула и Новосибирска, то администрация многих факультетов не может предоставить точную информацию, потому что студенты меняют гражданство в процессе обучения, меняют часто факультет. В ходе исследования у нас было опрошено 75 чел. в Алтайском государственном университете, 45 чел. – казахстанцев опрошено в Новосибирском государственном университете. Нужно отметить, что сложность нашей работы заключалась в том, что не все бывшие казахстанцы, люди, которые когда-то проживали в Казахстане, попадали под категорию учебных мигрантов. Нам нужны были только те, кто сменил место жительства с целью поступления в российский вуз, получения российского диплома. То есть, количественные характеристики – это аспект, который сложнее всего оказался для нас в ходе реализации этого проекта, методом «снежного кома» преимущественно мы подбирали респондентов. В целом, на сегодняшний день объёмы учебной миграции в вузы Западной Сибири невелики, и этническая структура этого потока – 90–95% русские.

По результатам опроса школьников, учеников 11 класса в г. Усть-Каменогорске, могу сказать, что для казахов привлекательность российского вуза всё-таки остаётся низкой, несмотря на то, что они признают за российским вузом высокое качество подготовки, то, что диплом котировается гораздо выше, чем казахстанский. Но они предпоч-

тут, если есть возможность, поехать в вузы Западной Европы или даже в Турцию. Я думаю, что это же соотношение сохранится в ближайшем будущем.

Чернышов Ю.Г.: Эта тема вообще-то имеет прикладное значение для перспектив развития наших вузов. Нам надо прогнозировать, будет ли постоянный поток студентов, например, из Казахстана. Из Вашего доклада мы можем понять, что это будут в основном русскоязычные студенты, для которых важно не терять связь с Россией.

Но пока наши системы образования достаточно сильно расходятся. Насколько я понял, сейчас в Казахстане уже действуют кредиты, где-то даже вперёд зашла реформа образования. Тем не менее, все мы движемся в сторону Болонского процесса. Что будет с дипломами, на Ваш взгляд, какой прогноз? Как они будут признаваться в разных странах?

Тарасова Е.В.: На сегодняшний день я могу сказать по состоянию о взаимном признании дипломов следующее: Россия гораздо чаще и проще признаёт казахстанские дипломы действительными на своей территории, чем Казахстан. У нас процесс нострификации диплома, кандидатских дипломов очень трудный, многоступенчатый, и он тормозится во многом бюрократическим аппаратом. Я думаю, что это тоже один из векторов политики.

Что касается воздействия реформ образования на процесс учебной миграции, то мы для себя поставили вопрос о том, как повлияет ЕГЭ, ЕНТ в Казахстане на этот процесс, потому что объективно любые изменения усложняют для абитуриента возможность поступления в вуз, пока он перестроится, подготовится к этому. Наверное, через какое-то время сдерживающая роль реформ образования снизится и, скорее всего, мы придём к определённой унификации стандартов в системе образования и, естественно, это упростит сценарии механизма учебной миграции.

Если говорить о факторах, которые влияют на масштабы, количественные характеристики этого потока, нужно отметить, что повышение оплаты за обучение в Казахстане может послужить выталкивающим фактором и, соответственно, те, кто не получил образовательные гранты, не сможет позволить себе оплатить учёбу в Казахстане, они попытаются как-то включиться в российское образовательное пространство. Мы выявили такую очень интересную закономерность. В последнее время политика российских вузов по отношению к Казахстану достаточно пассивна. Ещё до середины 90-х гг. в Усть-Каменогорск, в частности, приезжали выездные комиссии практически от всех вузов Сибири, особенно технических. На сегодняшний день эта

деятельность практически свёрнута, однако на территории Казахстана действуют филиалы ряда российских вузов, и они воспринимаются абитуриентами как возможность получить образование по российским стандартам, не выезжая из дома, не теряя связи с родителями, не связывая себя какими-то очень сложными финансовыми обязательствами, то есть, это дешевле в плане затрат. Популярность этих филиалов достаточно высока. Это уже не учебная миграция в классическом виде, потому что отсутствует миграция как таковая, но это другой способ интеграции в образовательное пространство России за её пределами.

Аршинцева О.А.: У меня возник чисто практический вопрос, коль скоро мы общаемся и у себя на факультете со студентами из Казахстана. По моим дилетантским эмпирическим наблюдениям, это, конечно, в основном русские, хотя там есть и казахи среди наших студентов, приехавших для получения образования. Но вопрос у меня другой, связанный с практикой общения с этими студентами, может, даже с неким административным аспектом этого общения. Исследовали ли Вы в ходе Вашего проекта систему мотивации учебных мигрантов, то есть студентов, которые приезжают сюда для получения образования, с точки зрения соотношения цели получить образование и получить российское гражданство? Потому что я знаю, что многие из этих студентов вступают на этот путь, он достаточно долгий и протяжённый, требует соблюдения массы формальностей. Вопрос о соотношении этих мотивов, он вообще стоял в Вашем проекте или нет? Если да, то, по Вашим наблюдениям, какое место мотив получить гражданство занимает в системе мотивации учебной миграции?

Тарасова Е.В.: Как такую задачу выявления сопряжённости этих мотивов не ставили, но уже в ходе исследования у нас появлялись вторичные гипотезы по поводу иерархии факторов, мотивов миграции. Получение российского образования, качественного образования, и российского диплома, который выступает в качестве определённой гарантии трудоустройства в случае возможной миграции или в случае продолжения деятельности в тех городах, где учились эти мигранты, этот мотив, конечно, более массовый. Образование в России ценно само по себе. Но те, кто намерен в ближайшем будущем оставаться в России или переезжать в Россию, вопрос о смене гражданства также ставили как очень актуальный. И пытаются решить эту проблему, пока они учатся. Потому что, как только они получают диплом, гражданство станет для них проблемой при трудоустройстве. Мы знаем, что очень сложная процедура получения разрешения на ведение трудовой деятельности по некоторым специальностям и т.д. Естественно, те, кто

намерен оставаться в России, в ближайшем будущем решают эту проблему как можно быстрее.

Шерстова Л.И.: Дело в том, что мы занимались подобной проблематикой, мы проводили дважды этносоциологические исследования – в 1995–1996 гг. и 2003–2004 гг. И что мы выявили? Мы, естественно, брали, как обычно, русскоязычные группы из Казахстана. Во-первых, интересно то, что фактически не изменилось соотношение в притоке русскоязычных студентов в середине 90-х гг., когда была массовая миграция, связанная с развалом Союза, и в достаточно благополучном 2003 г.. Видимо, здесь действуют какие-то закономерности, которые выплёскивают определённый процент учебных или трудовых мигрантов, и представлять, несколько обывательски, что огромная толпа трудовых или учебных мигрантов хлынет в Россию, не стоит. Возможно, есть какие-то особые регуляторы, в том числе и экономические, социальные, которые дают примерно одинаковое соотношение и внутри этих групп, и по их численности.

Ещё одна интересная особенность выявилась, когда мы хотели проследить культурную особенность этих групп, которые прибывают. В чём особенность была? Люди, независимо от национальности, но прибывшие из Казахстана, предпочитали в общегитии решать все свои бытовые дела вместе. То есть, в данном случае, те этнокультурные традиции, которые были заложены в месте проживания, достаточно легко переносились на среду другого города. Причём в наибольшей степени это было характерно для младших курсов. Со временем взросления постепенно эта ситуация, когда земляки старались, независимо от национальности, быть в окружении друг друга, сохранялась, хотя и размывалась. Мне кажется, что в этом исследовании в Политическом университете, там всё-таки 22 тыс. студентов, если мы берём вузы Западной Сибири, то вузовский комплекс, такой как Томск, мне кажется, нужно было бы брать. Тем более, что у нас имеются определённые наработки, которыми мы могли бы поделиться. Наработки очень важные. Это середина 90-х гг. И можно было бы посмотреть, потому что мы брали и миграцию, и мотивацию, и культурную адаптацию студентов.

Тарасова Е.В.: Конечно, мы очень заинтересованы в сотрудничестве. По поводу Томска. Эта стадия проекта, которая у нас прошла, рассматривалась как пилотная, мы исследование продолжаем. Просто Андриан Юрьевич в Новосибирске работает, Евгения Алексеевна – в Барнауле. Естественно, для начала мы ограничились теми двумя городами, где человеческий фактор всё определил. Но Томск, в плане учебной миграции, явление особое. Особенно технические вузы, Поли-

технический университет. Нужно сказать, что рейтинг именно технических университетов очень высок. Это университеты, которые хорошо известны. Когда спрашиваешь детей, какие вузы России вам известны, они, почему-то преимущественно называют технические вузы. Я думаю, что специфика Томска и технических специальностей в определенной степени влияет на климат взаимоотношений в группах, на этнический состав, потому что это специальности, доступные не всем объективно, так как гуманитарные специальности стали очень массовыми, и для того, чтобы получить какую-то гуманитарную специальность, редко абитуриенты выезжают за пределы Казахстана. А подготовка по технической специальности в вузах Томска высоко котируется в Казахстане. Сравнительный анализ ситуации в разных академических образовательных центрах нужно осуществлять, и мы в перспективе собираемся этим заниматься.

Нагайцева Е.А.: Я являюсь участником этого проекта. Хотела бы пояснить по первому вопросу. По Барнаулу, что касается количественных показателей, 99% – это русские, то есть владеют русским языком. Один человек сказал, что его родной язык – корейский, и, соответственно, корейская национальность. По национальному составу там больше 80% русских; казахи, немцы, корейцы, по одному человеку белорус и молдаванка. По поводу гражданства хочу сказать, что на момент опроса 2/3 студентов уже имели российское гражданство, и часть находилась в процессе оформления этого гражданства, то есть это, естественно, является основным мотивом, как сказала Елена Владимировна, облегчает процедуру получения гражданства и, соответственно, обустройства на российской территории.

Емешин К.Н.: У меня одно пожелание. Вы могли бы дать какие-то рекомендации, что должен сделать Алтайский край, чтобы выигрывать в конкурентоспособности привлечения этого потока, так как для Алтайского края это тоже важно.

Тарасова Е.В.: Изучение политики вузов в отношении абитуриентов и в отношении иностранных студентов было одной из задач нашего проекта, и выявили мы следующее. На сегодняшний день, во-первых, в периодической печати и в газетах, которые издаются университетами, очень редко эта проблема освещается. Кроме того, работа с иностранными студентами практически не выделяется в самостоятельную проблему, то есть, они на общих основаниях, в воспитательном плане идут.

По поводу привлечения абитуриентов, мы считаем, что политика, направленная на привлечение абитуриентов из Казахстана, необходима вузам западносибирского региона. Для того, чтобы стимулировать

приток учебных мигрантов, необходимо, прежде всего, сделать более интенсивной информационно-пропагандистскую работу. У всех университетов, и даже у некоторых факультетов есть свои сайты, где представляется общая информация о программах, о преподавателях, но просмотр этих сайтов показал, что у некоторых вузов или факультетов информация редко обновляется. То есть, допустим, абитуриент, который морально готовился этой весной к поступлению в какой-то российский вуз, ищет информацию. Если он не находит её через знакомых, которые живут в России, через СМИ, через Интернет, то где он её возьмёт? Если он не знает ничего, не обладает необходимым объёмом информации, решится ли он на учебную миграцию? Вряд ли. Вероятно, вузам необходимо интенсифицировать уже сложившуюся модель работы, более оперативно размещать информацию об условиях поступления, справочную информацию для иностранных граждан, где они могли бы посмотреть исходные данные. Зачастую нет адресов электронной почты даже той же приёмной комиссии, каких-то консультантов, к которым люди могли бы обратиться. На наш взгляд, проблема нехватки информации очень остра.

По результатам опроса в Усть-Каменогорске, кроме нехватки информации сдерживающим фактором является чисто экономический, то есть, сами студенты зависят от родителей, и принятие решения об учебной миграции – зачастую это решение родителей. Сам абитуриент, если он хочет учиться в российском вузе и чувствует себя готовым, способным преодолеть все трудности, связанные с этим процессом, против воли родителей никогда не пойдёт. То есть, информационная работа должна быть направлена не только на самих потенциальных абитуриентов, но и на старшее поколение, которое, по большому счёту, и принимает это решение за своих детей.

Обсуждение доклада Чернышова Ю.Г.

Глушков А.Е.: Известно, что существовала Томская губерния, после революции существовал Западносибирский край, в середине 30-х гг. он начал разваливаться, выделился Алтайский край, потом, в годы войны, Кемеровская область, потом существовала Новосибирская область, объединявшая целый ряд регионов. Это, может быть, использование прежнего опыта?

Чернышов Ю.Г.: Действительно, территориальное устройство нередко менялось в России, пытались перекраивать административную карту. Но, независимо от этого, постепенно складывалась некая неформальная региональная идентичность. Так, например, фраза «Я с Алтая» ещё в досоветскую эпоху уже что-то говорила. Если человек

подчеркивает, что он с Алтая, значит, определённые ассоциации у аудитории это вызывает. Это первое.

Второе. Город Барнаул не с 1937 г. является столицей. Нас опять сбивают. Все «удревают» историю, а мы её почему-то омолаживаем, укорачиваем и искусственно сокращаем. На самом деле, с XVIII в. был горный округ, потом была Алтайская губерния, об этом вообще почему-то почти не пишут, раньше на это были идеологические соображения. Любезный сердцу некоторых наших депутатов 1937 г. записали как год рождения Алтайского края. На самом деле, была Алтайская губерния до этого – в 1917–1925 гг. Другое дело, что она не очень нравится представителям каких-то идеологических течений, но это же история, никуда не денешься. Была административная единица со столицей в городе Барнауле. Сложилась определенная общность. Также как у австрийцев, мы сегодня об этом говорили: сначала её не было, не было, а потом она появилась. «Я с Алтая» – это работает достаточно давно, независимо от того, входит эта территория в Томскую губернию или в какую-то ещё. Всё равно есть некое осознание собственной особенности в этом регионе. Оно существует объективно.

Литвинов М.В.: Несколько позиций сразу. По поводу последнего замечания. Мы используем ещё и другую формулу: +«Мы – сибиряки». Не нужно этого забывать. Когда люди не понимают, что такое «Я с Алтая», мы всегда используем «Мы – сибиряки», и сразу становится понятно.

По поводу истории. Очень интересный момент получается. Так сложилось, что прошлой осенью мы долгое время работали в Тверской области, на родине Александра Невского. Я ходил по Вышгороду, где был детинец Александра Невского, заходил в храм, где он венчался и т.д. Мне как историку это было настолько волнующе, что ай, да ну! Причём, маленькие городки, где по 10–12 тыс. чел., там по 18 на сегодняшний день храмов. У нас взорвали, там нет. Причём, храмы не XIX в., а XV в. и т.д. Состояние вообще фантастическое. Мы изучали в том числе исторические и идентификационные зацепки, чтобы тех людей, которые живут в этой области, отличали от других, чтобы можно было работать, формировать имидж. Я считаю, что имидж изменить значительно легче, чем социальную идентичность. Она более длительно меняется. Так вот, интересная вещь. Практически никто, и с разным образованием, и с разными культурными традициями и т.д., не говорит про Александра Невского, про фантастически славное историческое прошлое Тверской области. Потому что Тверь, как мы знаем, древнее Москвы, и это был первый город, который реально сопротивлялся и мог бы стать действительной столицей нашей будущей Родины. Но,

тем не менее, они все говорят о том, что сейчас Тверская область – это, извините за терминологию, «мочевой пузырь России». Это не историческая Родина, это не история, это не Александр Невский и т.д. – это мочевой пузырь. Потому что это не только характеристика географической ситуации, которая сейчас там есть (там в каждом районе от 80 до 90 болот и озёр), это ещё состояние экономики и психологии людей, которые бегут оттуда значительно более быстрыми темпами, чем казахстанские абитуриенты на территорию Алтая или Новосибирской и Томской областей. Здесь очень важный момент.

Что касается исторического аспекта. Когда мы говорим об объединении регионов, мы прекрасно понимаем, что в основе лежат политические и экономические основания. Меня в этой ситуации интересует такой вопрос и Ваше мнение. Как экономические и политические факторы повлияют на социальную идентичность наших людей здесь, на территории Алтайского края? И я могу сразу вдогонку привести пример. Мы глядим на карту России – она вся такая извилистая по границам регионов. Посмотрим на карту Африки – там по карте проведены линейки и т.д. Но многие народы это не смущает. Им глубоко начихать на эти линейки, у них есть, я говорю о многих, а не обо всех, конфликты на этой почве и т.д. Но можно привести разные примеры, в том числе примеры, когда бедуины или просто кочевники кочуют, и понятия не имеют об этих границах. Но меня интересует, прежде всего, как повлияют экономические и политические изменения на юге Западной Сибири на социальную идентичность? Национальную пока не берём.

Чернышов Ю.Г.: По поводу Тверской области очень хороший пример, потому что, на самом деле, каждый регион стремится выработать некий слоган, который бы отражал его характерные черты. Скажем, «Ростов–на–Дону – ворота Кавказа», «Нижний Новгород – карман России» и т.д. И они стремятся, как правило, выгодные черты подчеркнуть. У нас – это «житница Сибири». То, что народ в Твери так начинает себя определять, это, конечно, отражение кризиса в самосознании, в экономике, в социальной сфере и т.д.

У нас в Алтайском крае, к сожалению, пока сохраняется подвешенная ситуация, когда мы не знаем, что дальше будет с политической властью, сохранится ли наш регион как самостоятельный субъект федерации. Мы знаем то, что вступление в ВТО в краткосрочной перспективе будет иметь достаточно серьёзные последствия для многих наших аграрных предприятий. Поэтому мироощущение у многих жителей Алтая сейчас, на мой взгляд, предкатастрофическое. Это отражается на социальной напряжённости, на акциях протеста, которые про-

ходят последнее время всё чаще и чаще. Например, митинги КХВ, где закрывается предприятие, и рабочие пытаются не первый раз перекрыть главную магистраль и т.д. Естественно, это вызывает не очень оптимистичные прогнозы по развитию региона и определению своего статуса.

Дитц А.Х.: Вопрос, который сейчас поднял Юрий Георгиевич, я считаю, один из самых актуальных, и не только для Алтайского края. Я считаю, что эта проблема сегодня очень горячая для всей России. Самое удивительное, и я об этом уже не однажды говорил, самое страшное то, что каждый новый правитель в России обязательно почему-то хочет что-то перестроить, перекроить, что-то поменять. Мы уже помним примеры и из прошлой России, до революции, и Никита Сергеевич Хрущёв нагородил совнархозы, были объединения нескольких районов в Алтайском крае и других территориях. Всё это сказалось крайне негативно, поэтому сегодня относиться к этой проблеме объединения территории надо очень внимательно. Только с прямого и полного согласия тех граждан, которые проживают на той или иной территории. 89 субъектов Федерации, возможно, это действительно много. Есть некоторые субъекты Федерации, которые по численности населения очень малы, но занимают огромную территорию и т.д. Но если посмотреть на историю, взять Соединённые Штаты Америки, они по территории значительно меньше России, но там же существуют 50 штатов и, я думаю, что вряд ли кто-то когда-то будет перекраивать это. Надо когда-то России остановиться на чём-то, перестать постоянно нивелировать и нервировать людей.

Я представляю, что будет, если Алтайский край, Кемеровскую область, Горный Алтай объединить. Даже расстояние: в 1,5 тыс. км от края до края. И любому человеку, если, не дай Бог, Кемерово будет центром этого объединения, надо будет ехать за какой-то справкой или в больницу, это немыслимо. Я думаю, что наша конференция должна высказаться по этому поводу совершенно чётко и отчётливо, что вот эти эксперименты, третирования, стравливания людей (мы действительно сегодня стали негативно относиться даже к населению Кемеровской области, они, возможно, даже не виноваты в том, что у Амана Тулеева такие имперские замашки).

Сегодня говорили ещё и о Германии. Там 16 земель. Эти земли по количеству населения и по территории совершенно разные. И сама Германия в разы меньше, чем Россия. И тем не менее, я тоже не слышал, что они намерены кого-то отделить или объединять.

И последнее. Имидж любой территории, любого человека – фактор чрезвычайно важный. Имидж нашего Алтайского края надо крепить и

дальше. Он у нас действительно широко известен, у нас много знаменитых людей. Я думаю, что у нас нет необходимости объединяться ни с Новосибирской, ни с Кемеровской областями. Вариант с Горным Алтаем считаю явлением нормальным, поскольку многие годы мы были вместе и, наверное, жить здесь было бы гораздо проще.

И самое последнее. Я думаю, что это объединение в основном по инициативе Жириновского звучит (губернии). Здесь правильно говорили – просто они хотят таким образом заглушить национальные настроения в России. Но думаю, что у них ничего не получится. Если не учитывать национальные интересы, интересы этнических групп, то в России никогда не наступит подлинного мира, не будет возможности полного экономического развития. Я, например, с горестью могу назвать сегодня дичайшую цифру, что за последние 12 лет из России, из бывших республик Советского Союза в Германию выехало 3,5 млн. граждан, которые многие столетия жили в России, вносили большой вклад в экономику, в культуру, в науку. Если этот процесс будет продолжаться, то думаю, отток из России будет увеличиваться, а приток будет крайне небольшим.

Заусаева Н.А.: Какую роль в имидже Алтайского края играет специфический уровень толерантности, потому что исторически так сложилось, что с запада на восток, с юга на север переходили различные этносы?

Во-вторых, я хотела бы посмотреть с точки зрения геополитики и различных геополитических концепций. Можно обнаружить такое изменение, которое тоже, может быть, имеет отношение к имиджу Алтайского края. С развалом Советского Союза наш регион больше стал иметь отношение не Хартляндю, а к Римляндю. Потому что ниже нас находится интенсивно развивающийся регион: и Китай, и Казахстан, и поэтому мы обязаны и вынуждены, хотим мы этого или нет, реагировать на это, а значит, развитие наше будет не таким, как раньше.

Чернышов Ю.Г.: В Алтайском крае русских в процентном отношении больше, чем в среднем по России. У нас нет особых напряжённостей в национальных отношениях, и я думаю, что мы регион толерантный по сравнению со многими другими. Да, у нас есть смешанное население, есть немцы, украинцы, казахи и т.д., и у нас достаточно толерантное отношение к представителям местных сибирских народов, и оно было в том числе тогда, когда мы сосуществовали в одном регионе с республикой Алтай. Поэтому, я думаю, это положительная черта имиджа – то, что у нас нет напряжённости в национальном вопросе.

Что касается интенсивно развивающегося Юга, то да, это действительно проблема, на которую нельзя закрывать глаза. Сейчас борются

две тенденции, и ещё не определилась та, которая будет преобладать. Одна – открыться по отношению к этому Югу. Тогда к нам хлынут и инвестиции, и все «прелести», связанные с этим, то есть, это и наркотики, и незаконные мигранты, и т.д. Вторая – это закрыть наглухо границу, как раньше было: она была рядом, но её как бы и не было. То, что располагалось к Югу, это нас не касалось. Я думаю, что в современных условиях это вряд ли это возможно. Мы можем на какое-то время просто сдерживать проникновение влияния с Юга, но всё равно оно будет. Мир глобализируется. Поэтому умнее было бы всё-таки выстраивать продуманную стратегию интеграции с Югом, с Казахстаном, с Китаем, с Монголией для Алтайского края.

Емешин К.Н.: Я хотел сказать, что любые проекты, любое дело, которое мы хотим сделать, мы хотим оценить, хорошо или плохо. Для того, чтобы хорошо или плохо оценить, мы должны выбрать какую-то ось измерения. Юрий Георгиевич доложил, что, если смотреть с точки зрения идентификации, то действительно, Республика Алтай и Алтайский край – это нечто единое, здесь логика есть. Все остальные объединения для нас по этой оси никак не просматриваются. Какую бы мы ни взяли ось, везде в основе лежит вопрос: а что это даёт людям для жизнеобеспечения?

Я всегда привожу пример, близкий мне как работнику здравоохранения, что медицинскую помощь можно организовать только в регионе с населением 2,5 – 3,5 млн. чел. Невозможно в Республике Алтай ни туберкулёзную, ни любую другую специализированную помощь организовать, потому что там нет народа, населения. Невозможно ставить дорогостоящий аппарат или делать хирургическое отделение, где будет одна операция в месяц. Люди просто дисквалифицируются. Поэтому, когда мы берём такие оси, мы знаем, что для жизнеобеспечения нужно объединение, скажем, Республики Алтай и Алтайского края. Это логично и улучшит там медицинскую помощь. Я думаю, что с точки зрения образования тоже, действительно, полноценные вузы в Республике Алтай невозможно создать. Поэтому я призываю всех не поддаваться тому, что сказал Тулеев. Это некий политический авантюризм. Это сказано для публики, логики здесь никакой нет. Экономика никакого отношения не имеет. Когда здесь вспоминали про совнархозы, я вам скажу, что совнархозы как раз имели смысл. Потому что они были в советской системе, где было планирование, там какая-то логика была. Сегодня при рыночной экономике бессмысленно объединять Алтайский край, зерно повезут куда выгодно, а не потому, что там другой регион и т.д.

То, что касается мегапроектов, больших объединений, скажем, Сибирь, или Западная Сибирь. В этом смысле, если мы посмотрим оси жизнеобеспечения, то в том же самом здравоохранении у нас выкристаллизовалось, что высокоспециализированная медицинская помощь оказывается либо в Новосибирске, либо в Томске, гематология – у нас в Алтайском крае, травматология кисти в Кузбассе есть. То есть, есть какой-то смысл в крупной регионализации. Поэтому давайте мы, так как здесь собрались в основном учёные, будем честно и откровенно говорить, чтобы людям не морочили голову политические авантюристы, а что действительно, этот процесс должен идти по таким осям, и доводить эту мысль не только в узком кругу, а активно выступать через прессу и т.д.

Шерстова Л.И.: Хотела обратить внимание коллег на следующие вещи. С конца XVI в., в отношении Сибири, как только она начала входить в состав Московского царства, постоянно переплетались две тенденции, которые касались её управления. Это либо централизация, либо регионализация. Весь XVII в., XVIII в., XIX в., XX в. протекали в борьбе этих двух тенденций.

Есть объективная тенденция, почему Москва, а потом Санкт-Петербург не могли определить, каким образом управлять Сибирью. Есть объективные факторы: и территория большая, и население имеет низкую плотность. Наверняка мы будем свидетелями того, что эти тенденции сохранятся и на будущее.

И второе, на что я хотела обратить внимание. Безусловно, когда мы говорим об Алтайском крае, мы должны помнить, что Алтайский горный округ действительно представлял собой уникальное культурное явление на территории Западной Сибири. Это была особая административная, культурная, промышленная единица. Но уважаемые коллеги, если мы говорим об Алтае, о Республике Алтай, то я прошу не использовать применительно к Алтаю, что он всегда был в составе Алтайского края. Ведь речь идёт о чём? Что когда Алтайский горный округ существовал, то территории, где население нынешней Республики Алтай, находились в ведении Томской губернии. Это означает, что вся система управления, налоги, культурное развитие в Республику Алтай шли именно из Томска. И не надо забывать, что мощное противостояние, которое возникло после 1917 г. между Бийским ревкомом и Алтайской горной думой и Каракорумской думой, причиной имело то, что Алтайская горная дума и Каракорум требовали непосредственного подчинения Томску как губернскому центру, а не Бийску как уездному центру. То есть, когда мы с вами берём исторические факты и говорим, что всегда так было, то это не правильно.

У меня в связи с этим вопрос. Вот жители Алтая, жители Томска, ведь это можно рассматривать как уровни субрегиональной идентичности, но мы тогда теряем свою региональную идентичность? Как это должно происходить? Да, безусловно, это разные уровни идентичности. Региональная идентичность выходит на уровень субрегиональной. Но, не воспитывая субрегиональную идентичность, не воспитаем ли мы то, что наша Сибирь распадется из центра на массу мелких кусочков, кемеровчан, алтайцев, томичей и т.д.? Каким образом совмещать эти тенденции формирования сугубо внешнего патриотизма в рамках современных административных границ, мы об этом сейчас говорим, и формирование региональной идентичности в рамках целого региона, в данном случае, Западной Сибири?

Чернышов Ю.Г.: Одно другому не противоречит. Если коротко, то 20% в Сибири выделяют на первое место то, что «Мы сибиряки». Это единственное место в России, где такое фиксируется. То есть, существует и некая духовная общность сибиряков.

И, еще раз повторю, не следует смешивать административные границы с неформальной региональной идентичностью: они далеко не всегда совпадают. Понятие «Алтай» всегда было гораздо шире, чем «Алтайский край» и «Республика Алтай», даже вместе взятые.

Первое заседание

Обсуждение докладов Мониной Л.В., Аршинцевой О.А., Бетмакаева А.М., Лукашевича В.А.

Заусаева Н.А.: Хотела бы задать вопрос по поводу доклада о Британской империи. Нет ли ещё такой параллели в наших событиях последних 20 лет и событиях рубежа XIX – XX вв. – это роль интеллигенции в этих процессах, точнее, интеллектуалов? С точки зрения политического процесса, политических идей многие признают очень большую роль фабианского общества в Англии.

Аршинцева О.А.: Если судить с британской стороны, то там при всех достаточно острых дискуссиях по поводу империи – это вообще была центральная проблема в политических дискуссиях рубежа XIX – XX вв., причём она носила не столько отвлечённый теоретический, сколько сугубо практический и геополитический характер, поскольку решалась судьба империи перед лицом нового вызова. Но, при достаточно заметной и острой критике имперской политики, эта критика работала скорее на корректировку курса, на поиски более цивилизованных путей, и трансформацию имперской политики в начале XX в. То есть, более внимательный взгляд на позиции «белой» части империи, поиски путей консенсуса по проблемам империи, эта трансформация, конечно, отчасти была вызвана и критикой слева. Общее впе-

чатление, которое у меня складывается при прочтении источников, изучении этих реалий, что всё-таки не только политическая элита, но и часть интеллектуальной элиты были объединены консенсусом по поводу империи. Может быть, это результат предшествующей долгой эволюции и достаточно реальных либеральных возможностей для дискуссии. То есть, если кто-то не «имперец», то его за это не подвергали репрессиям, но хотя, конечно, границы политической общественной свободы тоже были не очень широкими.

Ерёмин И.А.: У меня вопрос к Василию Александровичу. Я почувствовал, что Вы – еврооптимист. Я в этом отношении скорее евроскептик. Исходя из этого, у меня к Вам такой вопрос. Всё-таки, провал референдумов во Франции и Нидерландах по существу ставит крест на том проекте Единой Европы, который был заключён в Ницце. Это соглашение предусматривало движение к квазифедеративному государству. Сегодня совершенно очевидно, что эта идея лопнула. И уже на таком серьёзном уровне, вот Вы сказали, что процесс будет расширяться, скоро будет 30 стран и т.д., сегодня уже всерьёз обсуждается проблема обещанного вступления в 2007 г. Румынии и Болгарии. Уже говорят, что, скорее всего, этого не будет. А уж переговоры с Турцией о возможном вступлении – это точно, что называется, «долгий ящик», без всяких перспектив. В этой связи, как Вы считаете, не наблюдается ли в современной Европе и не только, кстати, в Старой Европе, но и в Новой Европе, заметное преобладание национальной идентичности, национально – государственноориентированных сил?

Лукашевич В.А.: На самом деле, еврооптимист евроскептика никогда не поймёт. Но я бы не сказал, что всё уже лопнуло и на всём надо поставить большой жирный крест. Я хочу начать с небольшого пояснения, что европейская конституция ещё может быть принята в том виде, в каком она есть. Существует отдельный протокол к европейской конституции, который говорит, что если к ноябрю 2006 г. 20 или более стран Евросоюза ратифицируют конституцию, а одна или более её отвергнут, то соберётся межправительственная конференция, которая решит судьбу этой конституции. Поэтому, на самом деле, Люксембург, по-моему, 10 июля будет проводить референдум по поводу европейской конституции. Я думаю, что в Люксембурге они её сумеют принять. Во всяком случае, я надеюсь. Но не будем заниматься предсказаниями, а насчёт Болгарии и Румынии, я думаю, что в 2007. г. они всё-таки вступят, а с Турцией переговоры начнутся 6 октября 2005 г., но примут её не раньше, чем в 2015 г.

Насчёт национальной идентичности. Я показывал очень много графиков и говорил, что в той или иной степени европейцами себя

чувствуют 48% граждан Европейского Союза. На этот график можно посмотреть с другой стороны. Следовательно, 52% чувствуют себя принадлежащими к национальному государству в той или иной степени, даже больше. Я думаю, что национальные сентименты всегда будут очень сильны, и в первую очередь они будут связаны с тем, что политические элиты не смогли должным образом объяснить своим гражданам, что они подразумевают под «Европейским проектом». Может быть, они сами не понимают, что они делают. Это одна из популярных тенденций, толкование, что люди не понимают, что они там делают вообще, куда они идут. И во многом те люди, которые евроскептичны, боясь Евросоюза, боясь потерять культурную идентичность, они основываются на том, что они не понимают, куда они идут. На самом деле, Евросоюз ни в коей мере не угрожает их интересам. Евроскептики, по моему мнению, должны были голосовать за проект этой конституции и идти на голосование стройными рядами, поскольку столь существенных ограничений для развития, какие ставит эта конституция, не один предыдущий акт Евросоюза не ставил. Все прежние договоры были с многоточием. То есть, «может быть, что-то другое». Эта конституция устанавливает вполне конкретные и чёткие правила, причём на очень долгий период времени. И евроскептики, которые хотят сдержать европейскую интеграцию, должны были голосовать за эту конституцию в первую очередь. Она бы Европейскому Союзу в федерацию не дала бы превратиться никогда. Но евроскептики её отвергли. На самом деле, это не первый кризис в Европейском Союзе. Отвергались и Маастрихтский договор, и Ниццкий договор, потом были повторные голосования, их принимали. Вообще, Евросоюзу много раз предрекали смерть, начиная с 50-х гг. Я думаю, что если всё будет идти нормально, то не в ближайшей перспективе, не в два года, не в три и не в десять, а думаю, лет за 30, 40, 50 – что-нибудь там у них на европейском континенте получится.

Кругова Н.И.: Я бы хотела подчеркнуть, что на текущем заседании у нас появилась новая проблема, новый уровень осмысления. В частности, мы не затрагивали такую проблему, что самоидентификация предполагает ещё идею «другого», то есть, чтобы себя идентифицировать, всегда надо сравнить с другим, как этот другой воспринимается. Я бы хотела обратиться к выступлению Любови Владимировны и отчасти не согласиться с ней, когда она подчеркнула, что у немцев национальная идентичность начинает формироваться после наполеоновского завоевания. Если взять проблему национальную как таковую, то она звучит в Германии очень давно. Другое дело, что она не выходила на уровень сколько-нибудь общественно значимых, а была делом ин-

теллектуалов. После завоевания Германии, уже подготовленная интеллектуальными усилиями, эта дискуссия поднялась на новый уровень, и был сформулирован образ «чужака». Мы – немцы, остальные – враги. Когда чужое воспринимается как вражеское, то это основа для национализма. И если дальше говорить, как Ольга Алексеевна отмечала, англичане, при всём том, что они осознавали свою принадлежность к империи, они всех жителей не Англии не идентифицировали с собой. Этот образ «чужого» сохранялся. Если обратиться к последнему выступлению, то мне кажется, что здесь тоже важна эта идея по поводу еврооптимизма и европессимизма. Самоидентифицируя себя и с национальным государством, и с Европой одновременно, все члены Евросоюза показывают, что для них Европейский Союз не чужой. Да, они другие, но они не чужие, они не враги. В этом основа процесса идентификации и самоидентификации, который протекает на современном уровне европейского пространства.

Аршинцева О.А.: У меня реплика. Я хотела выступить по поводу последнего ответа Василия Александровича на вопрос о мотивации. Здесь присутствующие политологи не дадут мне соврать, что в современных концепциях мотивации, в том числе и голосования, подчёркивают растущую долю не рациональных, иррациональных мотивов, и с идентичностью это связано в первую очередь. Я бы хотела поблагодарить молодого коллегу, который в очень полемичной, но чрезвычайно интересной и актуальной форме изложил очень интересные проблемы. Зря он говорил о том, что он предлагает иной дискурс, но для тех, кто занимается западной историей и современными политическими проблемами на Западе и в России, дискурс примерно один и тот же. Я бы сказала, что был внесён заметный оттенок в рассмотрение проблемы очень сложных факторов европейской интеграции, потому что сама постановка уже заслуживает приветствия, проблема идентичности в контексте современной европейской интеграции. Что касается исторического взгляда на вещи, то для историков в этих цифрах довольно много понятного.

Курныкин О.Ю.: Казалось бы, речь идёт о сугубо европейских проблемах, но эти выступления для нас интересны тем, что они позволяют экстраполировать те процессы, о которых здесь говорилось, на историю и современность России. Мне хотелось бы под этим углом зрения высказать несколько фраз по поводу затронутых проблем.

По поводу внешнего фактора в процессе национальной консолидации. Очень любопытная тема. Хотелось бы сказать, что вообще не очень понятно, почему тогда в России процесс национальной консолидации шёл так медленно, поскольку чего-чего, а внешних врагов у Рос-

сии более, чем хватало. И здесь мы можем понять некую специфику России. Я очень рад, что в выступлениях был затронут вопрос о европейских империях, и хотел бы поддержать Наталью Ильиничну, отметившую весьма важный момент: для британцев, французов наличие заморских колоний не только не препятствовало национальной консолидации, но, наоборот, ускоряло её. В то время как Россия расширялась за счёт включения в свой состав окраинных территорий. Здесь можно много говорить об особенностях складывания русского этноса, который поглощал, ассимилировал в своём составе другие меньшие этносы, и это, несомненно, тормозило процесс национальной консолидации и осознания русской идентичности. Это всё так. Надо иметь в виду, что даже когда Германия себя провозгласила империей, это было, по сути, национальное государство, это было немецкое государство. Россия не могла себя провозгласить русской империей, потому что тогда бы возникли внутренние точки напряжения, которые работали на развал этой Российской империи. Поэтому и в составе Российской империи национальный момент уходил на задний план, и после создания Советского Союза, когда на первый план выступали идеологические мотивы, фактор внешнего врага играл удивительную своеобразную роль. Да, у нас шёл процесс складывания советского народа, но не русской нации. Казалось бы, холодная война, противостояние миров, внешний фактор должны были способствовать созданию русской нации, но этого не происходило. Получилось так, что Российская империя просуществовала не намного дольше, чем классические европейские империи. Можно много рассуждать, почему так произошло, я думаю, во многом это было связано с последствиями Второй мировой войны, когда серьёзным образом был подорван демографический потенциал русских, и Россия просто не могла сохранять в дальнейшем это единое пространство, вернее, могла сохранять только путём перераспределения ресурсов в пользу национальных окраин и за счёт сохранения жёсткого политического режима. Когда кончились ресурсы и когда ослаб этот политический механизм, к сожалению, судьба Советского Союза была предрешена.

Далее, по поводу процессов на постсоветском пространстве. Я соглашусь с Любовью Владимировной в том, что сейчас действительно преобладают дезинтеграционные процессы на этом пространстве. Мне кажется, мы в полной мере это не можем ещё до конца понять и осознать. На недавней конференции кто-то очень точно сказал по поводу того, что последние «цветные» революции были, по сути, важнейшим элементом в процессе складывания национальных государств в бывших постсоветских республиках. Мы рассматриваем эти процессы

только под политическим углом зрения, а именно: что они означают для России. Мы не способны в полной мере осознать эти процессы с точки зрения формирования национально-государственной идентичности во вновь возникших республиках. Мне кажется, что российская политическая элита (хотя иногда сомневаешься, можно ли её так назвать, есть хороший русский синоним – власть предрержащие, это более точно) не адекватно оценивает те процессы, которые происходят на постсоветском пространстве, ибо она до сих пор отягощена имперским сознанием. К сожалению, этот болезненный для России процесс еще далек до завершения, я имею в виду процесс выхода из постимперского пространства.

В заключение хотелось бы сказать, что надо быть готовым к тому, что к России в этих республиках будут относиться ещё какое-то время неважно. Надо просто понимать, что для этих молодых государств, к сожалению, Россия и есть тот внешний фактор, о котором мы говорили, за счёт которого формируется национальная идентичность. Здесь могут быть исключения, когда существуют более серьёзные внешние угрозы, чем опасность российского доминирования. Я имею в виду Киргизию, Таджикистан, Армению. Там другие проблемы, поэтому к России там относятся хорошо. В остальных возникших государствах стремление оттолкнуться от России будет доминировать в ближайшее время. Мы к этому должны спокойно относиться, воспринять и не делать ошибок, таких ошибок, какие Россия наделала на последних выборах на Украине. Мне было стыдно за российскую власть.

Самая последняя реплика. Мне действительно был любопытен спор между евроскептиком и еврооптимистом, я хотел бы ещё раз вернуться к тому, о чём говорила Наталья Ильинична. К сожалению, это злорадство по поводу неудачи референдумов во Франции и Нидерландах, очень характерно для российского самосознания.

Глушков А.Е.: Скажу, что меня удивляет. Я 19 лет прожил в Кемеровской области, 18 лет в Томске и 30 лет в Барнауле, но нигде, извините за выражение, такого алтайского «пупизма» я не встречал. Большое самомнение об Алтае. На «пупизм» Алтай не претендует по своим экономическим и культурным возможностям, тем не менее, он существует.

Дитц А.Х.: Я бы хотел сказать несколько слов по выступлению Бетмакаева Алексея Михайловича. Конечно, в период холодной войны, «железного занавеса», были всякие чудеса и воздвигались не только Берлинские стены. Мы сами знаем, что было в Советском Союзе и куда можно было выехать, кто мог выезжать и т.д.. Всё Вы в принципе правильно сказали в своём выступлении и даже подчеркнули, что пе-

ред тем, как разрушить эту стену, многие жители ГДР фактически были против. Я должен подчеркнуть, что теперь эта стена разрушена, и казалось бы, амбиции тех людей, которые так стремились в ФРГ, имея полную возможность общаться, переезжать и т.д., удовлетворены. Но на сегодняшний день большая часть бывших жителей ГДР крайне недовольна тем, что произошло. Они думали, что рухнет эта стена, они объединятся с ФРГ, главная причина здесь была не столько кровная, сколько экономическая. В ГДР они жили намного беднее, чем в ФРГ. И сегодня жители бывшей ГДР живут гораздо беднее, уровень заработной платы ниже и пенсия ниже и т.д. Я точно знаю, что там периодически возникают даже конфликтные ситуации. То есть, эта проблема объединения, на мой взгляд, в Германии сегодня не завершена.

Ещё хотел бы сказать одно соображение в отношении вообще нации и идентичности. Мне кажется, что мы ещё не скоро найдём взаимопонимание между 160 нациями, народами, народностями, национальными меньшинствами, группами и т.д. На мой взгляд, главная причина здесь простая. Если в Америке – американцы, во Франции – французы, в Англии – англичане, то в России разделились, русские и другие. Я думаю, что национальная принадлежность каждого человека должна определяться самим гражданином, и все должны быть россиянами. Тогда многие проблемы и национальной идентичности, и нации рассматривались бы с другой точки зрения, были менее болезненными, хотя каждая национальная группа должна иметь возможность сохранить свой язык, культуру, национальную идентичность и т.д.

И последнее. Мне кажется, это одна из ошибок, и казалось, что научные работники должны на это как-то посмотреть. Я знаю, что Иван Александрович Ильин когда-то писал, что русских и в Советском Союзе, и в России в чистом виде трудно сегодня найти. Если посмотреть все смешения кровей на протяжении тысячелетий, то русских как таковых очень трудно найти. Это один из факторов, который влияет и на национальную идентичность, и на государственную политику, хотя по переписи примерно 80–88% сегодня записываются русскими. Я здесь несколько не хочу обидеть никого, я просто с точки зрения науки хотел бы посмотреть на этот процесс. Мне кажется, что Россия от этого только бы выиграла.

Небальзин В.П.: Мне кажется, что наше российское руководство формирует свою политику из того, как складывается мнение электората в различных регионах, в том числе, на разных конференциях. Поэтому мне и хочется, чтобы наша конференция внесла какой-то свой вектор. Мы видим сегодня сужение рамок демократии, сливание регионов. К чему это ведёт? Ведёт к державности, к созданию образа

внешнего врага, потом мы идентифицируем себя российской нацией в окружении этих всех врагов, и нужно будет бороться. Дальше уже идут неправильные выводы, что теперь нужно вооружаться. Надо армию укреплять, надо выделять больше денег на оборону. Отсюда – надо сокращать ассигнования на образование и медицину. Вот неправильно у нас всё дальше идёт. В народе это поддерживается. Вот в чём дело. Мы в окружении врагов и поэтому надо вооружаться. Почему рейтинг такой у президента? Потому что его поддерживают в этом. Могу привести пример. При ГУВД создавался псевдомемократический орган, Совет, который бы помогал контролировать милицию. Собрались и разделились. Выступают «патриотически» настроенные люди, которые говорят, что мы кругом находимся в окружении, партии все продались, получают гранты и прочее из-за границы, поэтому надо против них работать, не с преступностью бороться, а против политических группировок. Может, наша конференция как-то поможет нам исправить в народе это вектор, развернуть его в другую сторону?

Хилькова Н.В.: У меня вопрос к Ольге Алексеевне. Вы в своём выступлении говорили об имперской идентичности. Считаете ли Вы советскую идентичность примером такой имперской идентичности и в случае того, если Вы так считаете, влияла ли эта советская идентичность на формирование или принижение национальных идентичностей того времени, положительно или отрицательно? Может быть, есть какие-то аналогии с британской империей, поскольку даже из художественной литературы известно об имперской ностальгии, например, жителей бывших британских колоний?

И ещё один в связи с этим вопрос. Советская идентичность, с Вашей точки зрения, она же искусственно создавалась, повлияла ли она на разрушение Советского Союза?

Аршинцева О.А.: Я, наверное, невольно создала о себе превратное впечатление специалиста по проблемам истории Российской империи. На самом деле это не так. Ещё в меньшей степени я специально занималась проблемами имперских начал в Советском Союзе на всех этапах его существования. У меня представление о советском периоде истории с точки зрения наличия и природы этих имперских начал в советском государстве почерпнуто в первую очередь из литературы. Разброс точек зрения совершенно парадоксальный, и выбрать какую-то я сейчас не готова. Хотя, конечно, это очень популярная тема, я бы сказала даже конъюнктурная. Юрий Георгиевич присутствовал на конференции в МГУ, посвящённой имперским проблемам, и я смотрела материалы, и не только эти, там смешение всех и всяческим методологических позиций. Хотя, конечно, какие-то аналогии напрашива-

ются. Но, что касается развала Советского Союза, я тут тоже не считаю себя таким специалистом, хотя может быть, какую-то геополитическую версию этого можно было высказать, но Олег Юрьевич, мне кажется, отчасти ответил на этот вопрос. Конечно, имперские начала в советской политике на разных этапах выражены были по-разному, поэтому сложно поддаются универсальной идентификации. Советский Союз эпохи биполярной международной системы, как Олег Юрьевич подчеркивал, и Советский Союз накануне Второй мировой войны – это несколько разные государства с точки зрения внутреннего состояния и с точки зрения внешних геополитических целей, и с точки зрения мотивации и риторики, в которую эти цели облачались. Но, поскольку я сама считаю себя «антиимперцем», то я скорее готова в распаде Советского Союза видеть не только объективные закономерности, но и некие позитивные результаты. Но имперское наследие нам придется преодолевать очень долго и на региональном уровне, и во взаимоотношениях с постсоветским пространством, тут я с Олегом Юрьевичем совершенно солидарна. Спасибо за вопрос, но я боюсь, что по уровню своей подготовленности я на него не смогу ответить.

Глушков А.Е.: По поводу имперских традиций. Вы все помните, что каждая республика в Советском Союзе имела право на выход. Но механизма не было. А вот в Германии, о которой мы говорили, в Веймарской конституции была предусмотрена статья о так называемой имперской экзекуции. То есть, по отношению к земле, которая собиралась бы выйти, применялись насильственные конституционные меры удержания, ввод войск и т.д. Вот Вам, пожалуйста, сравнение. Там и здесь. Здесь удерживали с помощью механизма, там с помощью кнута.

**Обсуждение докладов Ерёмин И.А.
и Козулина В.Н.**

Курныкин О.Ю.: Первый вопрос. Чем можно объяснить, что идеология либерализма возникла в лоне христианской цивилизации? Иначе говоря, Вы противопоставляете христианство либерализму, либо усматриваете какую-то родственную связь между ними?

Второй вопрос по поводу олигархов. Поскольку сейчас высшие чины администрации президента включены в совет директоров крупнейших наших компаний, то относите Вы к олигархам представителей нашей президентской администрации? Является ли Путин выразителем интересов этого олигархического режима?

Ерёмин И.А.: Вопросы, конечно, совершенно справедливые, они вытекают из того контекста, в котором был сделан мой доклад. Что касается либерализма, то, естественно, эта идеология, на мой взгляд, с традиционным христианским подходом, притом, что там многое было

взято из христианства (идея милосердия, идея гуманизма, идея толерантности). Современный либерализм западного образца с точки зрения православной церкви – здесь позиция более принципиальная, чем у католической церкви и тем более у протестантской. И в этом смысле либерализм осуждается руководством нашей православной церкви и считается неприемлемым для использования в нашей духовной жизни. В частности, там во главу угла поставлен человек, под предлогом защиты прав которого, как я уже цитировал, внедряется как естественная норма поведения человека болезненный грех. Имеется в виду узаконивание однополых браков, эвтаназия, легализация лёгких наркотиков, то есть то, что считалось и будет, я думаю, считаться в православии вселенским грехом. Следствием либерального подхода в отношениях считается то, что сейчас в Европе большой размах приобрела педофилия. Это массовая очень серьёзная проблема. Причём педофилия, которая затрагивает и католическое духовенство, которое было разоблачено в том, что занималось этим грязным делом. Один из епископов англиканской церкви США, который недавно был утверждён в плане либерального подхода, не скрывает того, что он гомосексуалист. Естественно, для православного духовенства, для православной иерархии такие либеральные ценности не приемлемы. Поэтому я ещё раз говорю, что этот подход абсолютно осуждается.

Что касается второго вопроса об олигархическом режиме в том контексте, как Вы сказали в конце, то есть слияние в единое целое, то я считаю, что режим в целом олигархический. В том числе, президент Путин является вершиной этого режима, который проводит цельную единую политику в интересах защиты прав олигархов. То есть, главная его деятельность направлена на то, чтобы работать на защиту прав богатых в ущерб бедным.

Глушков А.Е.: Из Вашего доклада я понял, что духовность и религиозные догматы – это одно и то же. Не могли бы Вы сказать, что такое «духовность» с Вашей точки зрения? Это первый вопрос.

И второй вопрос. Как Вы относитесь к принципу свободы вероисповедания? Не означает ли это, что религия в школе построит всех и заставит шагнуть именно в православную церковь, а не в какую иную?

Ерёмин И.А.: Я начну со второй части Вашего вопроса. Дело в том, что вопрос так не ставится. Вопрос ставился только о том, чтобы на факультативных началах вести преподавание основ православной культуры в школе. Это совершенно разные вещи, потому что никто никого при такой системе никуда бы не загонял. Это первое.

Второе. Руководство православной церкви сразу же оговорилось, что оно совершенно не против того и выступает именно за это, чтобы

все традиционные религии России и конфессии, в частности, ислам, также имели право на существование.

Глушков А.Е.: Вы-то говорили, что в школе запретили эти курсы. Я спрашивал, что Вы думаете по этому поводу, а не церковь.

Ерёмин И.А.: Я считаю, что это была неправильная позиция государства, которая запретила факультативный курс. Потому что речь шла не о том, чтобы только для православных детей, и это сразу было оговорено, чтобы все традиционные конфессии имели право. Ни о каком обязательном преподавании религии в школе речь не шла, только о факультативе.

Теперь, что касается религиозных догматов и духовности. Естественно, понятие «духовность» более широкое, чем «религиозный догмат». В этом смысле православное духовенство не старается подогнать всех граждан, даже если они считаются формально верующими, под исполнение православных догматов, чтобы они придерживались этого.

Глушков А.Е.: Вы сказали, что возрождение духовности – это возрождение принципов православной церкви? Духовность и церковность – это одно и то же?

Ерёмин И.А.: Безусловно, нет.

Аршинцева О.А.: Если позволите, короткую реплику по поводу выступления Вячеслава Николаевича в связи с мессианской идеей в контексте русской национальной традиции и проблем русской идентичности. Отталкиваясь от заключительной фразы характеристики жанра его выступления, я бы так сказала, что в последнее время в обществе международников и политологов наблюдается тенденция, своего рода, инверсия. Философы стали активно интересоваться проблемами эволюции международных отношений и кризиса Вестфальской системы. Последний философский конгресс долго дискутировал на эту тему. А, в свою очередь, международники, – например, известный социолог международных отношений Цыганков, публикуют в последнее время интересные статьи на тему понимания свободы в контексте разных христианских концепций. То есть, идёт полное смешение жанров, поэтому насчёт монополии на философское толкование проблем идентичности – тут можно поспорить.

Вторая реплика по поводу мессианской идеи. Она более универсальная, чем только составляющая часть великодержавной национальной великорусской идентичности. Не случайно сейчас очень популярен тезис, аргументированный и весьма интересный, о том, что после того, как Империя Зла рухнула, с обеих сторон воспринимаемая двумя полюсами в биполярной системе, произошло неизбежное замещение. Мы сейчас довольно подробно обсуждаем сюжеты, связанные с месси-

анскими имперскими началами в американской глобальной политике. То есть, видимо, есть некая универсальная парадигма в великодержавном понимании, в великодержавном постулате, свойственная не только русской национальной идентичности, но и любому другому притязанию на некое глобальное лидерство или на гегемонистские устремления.

Бетмакаев А.М.: У меня конкретный вопрос по докладу Игоря Александровича. Ваш доклад назывался: «Роль РПЦ в формировании национальной идентичности русского народа в условиях глобализации». Как бы Вы определили эту роль церкви – главная, второстепенная, определяющая, важнейшая, то есть, какая это роль?

Ерёмин И.А.: Важнейшей я бы не назвал, это было бы преувеличение, но то, что это большая роль, – вне всякого сомнения, на мой взгляд.

Кругова Н.И.: У меня есть три пункта, о которых я хочу сказать. Во-первых, по поводу самоидентификации россиян нужно представлять себе, что сама эта проблема – проблема европейского стиля мышления. Ни Китай, ни Индия, ни мусульманский мир не рожают проблемы самоидентификации. Естественно, когда к нам пришла система европейской культуры, к нам пришёл европейский стиль мышления, и мы так же как и другие народы европейской культуры занялись идеей самоидентификации, русской идеей. Это первое.

Второе по поводу того, что говорил Вячеслав Николаевич. Национальная идея сама по себе не может быть сведена ни к соборности, ни к космизму, ни к каким-то другим вариациям идеи. Потому что национальная идея сама по себе многовариантна и она носит социальную окраску, то есть, она может быть сформулирована философами в виде космизма, но может быть и никем не сформулирована. Люди, просто проживающие в России, имеют свою собственную национальную идею. Причём она может иметь самое разное выражение – может быть красная идея, белая идея и др. То есть, социальная окраска не имеет отношения к философским формулировкам. Но в принципе она существует в сознании народа, и уже этим ещё раз подчеркивается глубокая привязанность России к европейской, то есть к христианской традиции. Поэтому, отрицая связь России с европейской духовной традицией и настаивая на том, что у России свой путь, тем самым православная церковь ведёт к отрицанию культуры. Сама идея самобытности обращена к такому слою, который отрезан от того, что выработало человечество. То, что называется интеллектуальным капиталом, русской православной церкви не нужно. Он не нужен тем, кто отстаивает национальную идею.

Шерстова Л.И.: Уважаемые коллеги, небольшая реплика. У нас был бы менее горячим спор, если бы мы не понимали, что здесь какая-то связь между национальной идеей, религией и русским этносом существует. Мы все чувствуем, что здесь какая-то связь есть, но осмыслить до конца не можем. Я подойду к этой проблеме с точки зрения этнолога. Обратите внимание, процессы государствообразования на Руси опережали процессы сложения славянского этноса, восточных славян. Поэтому изначально роль государства и роль религии как фактора, унифицирующего гетерогенную общность, которую представляло собой население Восточноевропейской равнины, были очень велики. Обратите внимание, что не случайно, к XIV в. слово «смерды» как сельскохозяйственное население сменяется особым понятием «христиане». Русские гораздо позже начинают использовать понятие «православный» как подмену понятия «этнический русский». То есть, когда мы не могли выразить свою этничность, когда она была размыта, мы её подкрепляли и усиливали за счёт религиозного фактора, за счёт православия. Так получилось, что собственно религиозный фактор усиливал этничность той части населения, которые называли себя русскими. Но преувеличивать значение этого фактора тоже не стоит. Достаточно почитать очерки о русской культуре Милюкова, чтобы понять, что собой представляла и церковь как организация, и религиозная система, и православие, которые функционировали до 1917 г. Иначе трудно понять, что будет у нас потом. Это первое.

И второе. Иногда в истории бывают такие случаи, такие явления, когда процессы этногенеза опережают процессы государствообразования, либо они одновременно идут с процессами политогенеза. Тогда мы встречаем этносы, которые могут потерять свою государственность, могут на тысячи лет лишиться этой государственности, но, имея этническое самосознание, они могут её возродить. Ярчайший пример, который мы знаем – это евреи, армяне – этносы, которые сформировались, когда национальная самоидентификация вышла из этого этноса, и когда государство стало закономерной политической формой оформления. Вот окончание этногенеза – политическая форма этнической самоидентификации – национальное государство. Даже то, что они потеряли свою государственность, но сохранили этническое самосознание или самоидентификацию, или идентичность, это и позволило им спустя много веков воссоздать свою государственность.

Просто в истории очень часто народы взаимодействуют друг с другом, они подпадают под влияние друг друга. Поэтому процессы государствообразования, идеи, явления постоянно функционируют в этом мире. Если мы имеем размытое этническое самосознание, то на

это самосознание любая идея, даже самая дикая, может, как ни странно, привиться. Когда мы говорим о русских с их слабой этнической самоидентификацией, то обратите внимание, почему мы так легко воспринимаем любые праздники, День Святого Валентина, например, моё поколение этого не помнит, а нынешнее воспринимает. То есть, пока нет чёткого противопоставления чужому миру своего мира, очень легко происходит заимствование. И отсюда толерантность, которую все мы отмечали как явление, характерное не только для какого-то региона, предположим, Сибири, но и всей России. Потому что размытое собственное этническое самосознание русских не противопоставляло себя другим этносам, которые проживали на этой территории. Самосознание большинства других этносов было таким же размытым, потому что мы имеем дело с Евразией, где этнические процессы идут очень интенсивно, начиная с палеолита, по крайней мере. Это мешало быстрому сложению чётко выраженного этнического самосознания, быстрой консолидации.

Дальше мы переходим к проблемам имперской идеологии. Но имперская ли она? Тожественна ли она, скажем, британской идеологии? И здесь возникает уже масса нюансов, которые объясняются конкретным ходом не только исторических, но и этнических, этногенических процессов на территории Евразии.

Заусаева Н.А.: Я хотела бы высказать точку зрения политического философа по поводу складывания российской нации, почему эта идентичность проявляется только в эпохи, когда нам угрожают, а потом вдруг всё рассыпается, и никакой нации не оказывается. Я говорила в предыдущем выступлении, что есть два подхода к пониманию нации, когда принадлежность к государству, мы это отбрасываем, это гражданское понимание нации, а второе, которое определяется через признаки. Здесь в докладе как раз пункты национальной идентичности были перечислены. Одним из системообразующих признаков нации, согласно этому определению, является единство экономической жизни. Об этом здесь не было сказано. Это единство экономической жизни проявляется, если мы говорим о тех странах, где сложились государства-нации, то есть западные страны. Это рыночные отношения, прежде всего. Когда предприниматель думает над заключением контракта, он вынужден думать о той части населения в другом регионе, думать о культурной специфике, чтобы контракт был успешный, чтобы не нарушить какие-то нормы, характерные для той части населения, поэтому он объективно будет подниматься над обществом, искать что-то общее, видеть свою культуру. И не только этот предприниматель, но и те люди, которые работают с ним. Именно эти отношения порождают,

потому что у нас, извините, рынок очень часто трактуется только как стремление к наживе. Но рынок порождает ещё и общее видение проблем, потому что предприниматель объективно заинтересован, чтобы средний уровень жизни был высокий в стране, потому что он не купит и не продаст продукцию свою, если уровень жизни будет низкий. Таким образом, когда действуют конкретные люди – это со временем находит отражение и в философии. Люди осмысливают эти культурные общие нормы, традиции и т.д. Появляется самосознание данной нации. В России этого основания нет. Если кто-то вместо рынка избрёт что-то новое, что бы объединило русский народ, то ради Бога. Но пока, с точки зрения всех процессов демократизации, известна аксиома, что к демократии без рынка ни одна страна в мире не перешла, а к рынку без демократии – пожалуйста!

Вторая мысль по поводу имперской идеи. Почему наше население не может до сих пор отказаться от этого? Мне кажется, что здесь тоже заложен глубокий философский смысл. Струве в начале XX в. писал о таком феномене, что если вы хотите воспитать патриота, вы покажите значимость страны на международной арене. Если люди, кто постарше, помнят, когда мы ходили на фильмы, то перед любой сказкой или любым другим сюжетом нам показывали видеожурналы, в которых показывалась международная роль Советского Союза. Эта связка – имперская идея и патриотизм – она в стереотипе каждого человека сохранилась. И тот, кто сегодня на рациональном уровне способен подняться и разорвать эту связку, может быть патриотом без имперской идеи, а тот, кто не поднялся на уровень рационального осмысления, то так он и будет империалистом, потому что у него патриотизм уже есть, как чувство, с которым он не может расстаться. Поэтому он никогда не расстанется с имперской идеей.

И последнее. Вопрос к Игорю Александровичу. Я хотела бы поспорить с голословным утверждением о том, что Запад бездуховен. На каком основании делается такое утверждение? Этой весной я 1,5 месяца была в Германии. Я уверяю Вас, что там духовности гораздо больше. Из интереса ходила на несколько служб в церкви. В начале апреля я приехала, Папа Римский умер. В протестантской церкви целая служба была посвящена в основном значению Папы, хотя он католик. 8 мая пришла в церковь – там служба посвящена проблеме фашизма. Разве это не духовное воспитание людей? А там, извините, не маленькая доля людей ходит, там и молодёжь ходит, и взрослые. А тот аргумент, что этот католический священник лояльно относится к бракам каким-то. У меня есть подборка, я вырезаю из газет, о нашей церкви. У меня есть статьи, в которых, допустим, выгнали православного священника,

потому что он зарегистрировал однополый брак, священники одной церкви поставляли девушек олигархам. Таких фактов очень много. Так что же, на основании этих фактов сказать, что они плохие и они бездуховно воспитывают? Наоборот, когда общаешься с немцами, то у них вопрос возникает: как вас воспитывали, что вы никогда не задавали себе вопроса, для чего я предназначен, что я должен сделать для людей и т.д.? Они нас бездуховными считают.

Ерёмин И.А.: Я очень благодарен слушателям, что моё выступление вызвало такую оживлённую дискуссию. Это всегда приятно.

По поводу Вашего выступления. Я во многом с Вами согласен, но тем не менее, хочу доказать, что в моём выступлении не было противоречия. Привёл я пример про педофилию. В той же Германии узаконена проституция. Даже не это я имел в виду в плане морального падения. Дело в другом. В этом году в Германии будут парламентские выборы. Лидер христианско-демократической партии Ангела Меркель откровенно заявила, что общество потребления Германии достигло предела своего развития. Вот в чём вопрос. У них «золотой телец» застилает глаза. Потребление – предел всего. И она, как лидер ХДП, собирается повернуть немецкое общество на духовное начало, духовные ценности, на религиозные ценности в том числе. Я уверен, что именно эти моменты позволят христианским демократам победить на парламентских выборах осенью этого года. Я это имел в виду. Поэтому сказать, что всё общество там безнравственное и т.д., нет, нельзя. Я имею в виду идеологический фон, и фон этот – общество потребления, общество пресыщения.

Рубцов П.В.: Простая реплика о методах. Если мы сейчас обсуждаем идентичность, такая тенденция странная. Если мы касаемся современной российской идентичности, мы почему-то начинаем вспоминать идентичность столетней давности и т.д. Два доклада, которые прозвучали – яркий тому пример. Оба доклада можно назвать ортодоксальными в классическом значении этого слова, то есть подразумевающие единственно правильное мнение. Поэтому звучит не так, как есть, какая идентичность, какие вызовы России сейчас существуют, а так, как должно быть. Каждый докладчик говорил, один, что надо «загонять» всех в церковь, второй – надо всех «гнать» в Европу. Сейчас православие другое, это не то православие, о котором Вы пытаетесь говорить, и «Москва – третий Рим» – это тоже антивизантийская идея, а не византийская. Давно уже никто не слышал этой идеи, кроме тех, кто обсуждает современную российскую идентичность. Когда мы говорим о европейской идентичности, у нас графики, у нас опросы общественного мнения и т.д. Когда мы говорим про российскую, у нас

идеология, моральное выступление и исключительный подход с моральных позиций. Мы не видим российской идентичности, мы думаем о том, что она есть, но что она собой представляет, мы не знаем в результате доклада.

Козулин В.Н.: На русскую православную церковь, её идеологию можно по-разному посмотреть в разные периоды истории. Там боролись разные тенденции. С одной стороны, среди верующих людей, русских философов, были такие, которые утверждали, что русская православная церковь – это только один из вариантов христианства, который может обогатить христианство. Вот, например, Соловьёв. И совершенно другая точка зрения – это Данилевский, который противопоставлял Россию и Европу. Мне кажется, что выступление Игоря Александровича больше было в русле идеи Данилевского.

Второе заседание

Обсуждение докладов Штанько М.А., Коваленко Л.Г.

Курныкин О.Ю.: У меня два вопроса к Марине Александровне. Ваше выступление было построено в теоретическом плане, но мне хотелось бы задать Вам более конкретный вопрос. Какие качественные характеристики имиджа как страны, так и отдельных политиков наиболее востребованы в российском условиях? Что хотелось бы увидеть в этом имидже россиянам? Это первый вопрос.

И второй вопрос. Я не философ, а историк, и не очень понял, политическая реальность – это объективность, или это лишь плод индивидуального восприятия?

И ещё один вопрос к Людмиле Георгиевне. Я понимаю, что украинская идентичность только формируется, но не могли бы Вы назвать наиболее важные составляющие характеристики этой украинской идентичности?

Штанько М.А.: По поводу качественных характеристик. Вы знаете, у меня устойчивое убеждение, что на сегодняшний день единственная качественная характеристика, которая может и должна быть, которая культивируется в имиджах – это стабильность.

Что касается второго вопроса по поводу объективности или субъективности политической реальности. Безусловно, это субъективное восприятие человеком. Вообще, что мы называем реальным? То, что в нашем сознании соотносится с нашим опытом. Это у нас не вызывает какого-либо недоумения. Соответственно, политическая реальность – это индивидуальное видение политики. Другой вопрос, что познание политического мира идёт двумя путями, непосредственным и опосредованным, то есть, опосредованный – это тот путь, из которого мы все

в одинаковой степени получаем информацию. Именно поэтому политическая картина в сознании людей одной страны в известной степени будет иметь общие моменты.

А степень непосредственного участия в политических процессах будет налагать ту специфику, которая в сознании каждого отдельного человека существует.

Коваленко Л.Г.: Мне кажется, что главная составляющая – это стремление всячески доказать свою независимость, свою самостоятельность и принадлежность именно к Европе. Потому что, если обратиться к литературе последнего времени, последних 15 лет, то во многих и учебниках, и научной литературе подчёркивается, что уже в V – VI вв. сформировалась украинская нация. Такие заявления направлены на то, чтобы доказать свою независимость от России.

Потом, попытка пересмотреть сформировавшееся представление о Киевской Руси как колыбели славянских народов. В последних учебниках по истории есть такое предположение, что Россия отдала Крым Украине, чтобы снять с себя ответственность за выселение крымских татар. Эти заявления направлены, прежде всего, на то, чтобы уйти подальше от России.

Ерёмин И.А.: У меня такой вопрос к Вам, Людмила Георгиевна. Как все знают, очень большая разница и в экономическом развитии, и в ментальности, Вы об этом упомянули, между Западной Украиной и Восточной. Имея в виду тот факт, что сейчас национально ориентированное руководство Украины во главе с Ющенко проводит, мягко говоря, активную политику украинизации Восточной Украины, не считаете ли Вы, что следствием такого политического курса может быть, в лучшем случае, неизбежная федерализация Украины, а в худшем – раскол Украины на два государства?

Коваленко Л.Г.: Я думаю, что раскола не хотят сами граждане. Возможна федерализация? Да, в будущем. Но это будет зависеть от того, как будет развиваться политический процесс, пройдут парламентские выборы, поскольку роль Парламента достаточно велика в Украине.

Лукашевич В.А.: Я бы хотел сделать небольшую ремарку и присоединиться к позиции Людмилы Георгиевны. Мне довелось в период «оранжевой революции» побывать на Украине. Я лично присутствовал при всех этих событиях. Надо сказать, что, действительно, независимость Украины от России была одним из основных мотивов, почему Украина, какая-то её часть, сплотилась. Но дело в том, что я думаю, что Российская Федерация и пророссийские настроения части украинского общества сыграли в этом ведущую роль. У меня есть очень чёт-

кая картина в голове: центральная площадь Симферополя, в принципе, Украина, автономная республика Крым, стоят российские МЧС-овские палатки, в которых живут казаки под российским гербами. Над площадью штук 50 российских флагов реет, где-то в углу – маленький украинский и одна маленькая оранжевая палаточка. У меня там живут многие друзья, я с ними говорил, как они воспринимают. Они говорят, что пойдут за Ющенко голосовать только из-за того, чтобы над их площадью не было российского флага. Это то самое знаменитое русское влияние, про которое мы постоянно говорим, что Украина – наш младший брат, мы ей расскажем, как лучше жить и т.д. На самом деле, мы пытаемся сделать с Украиной то же самое, что мы рассказываем, что пытаемся сделать с нами Запад. Мы им активно насаждаем путь их развития.

С одной стороны, я конечно, согласен с тем, что Украина должна находиться в сфере стратегического партнёрства России. Но в то же время, мы теми самыми имперскими амбициями, про которые говорим, иногда стираем грани между партнёрством и прямым давлением. Я думаю, что стремление Украины к независимости – это то, что они 15 лет пытаются избавиться от патерналистского отношения с нашей стороны.

Охотников А.Ю.: Упомянутые «мы» – это кто? Вы говорите, «мы идём, мы делаем». Это кто?

Лукашевич В.А.: Официальная позиция Российского государства на выборах в Украине: мы поддерживаем Януковича, потому что он за добрососедские отношения с Россией. Но изложение добрососедских отношений с точки зрения Януковича, если послушать его предвыборные речи по украинскому телевидению, заключались в том, что Украина не тянула даже на роль младшего брата. В крайнем, случае, племянник.

Савкович Е.В.: У меня вопрос к Марине Александровне. Имидж должен соответствовать каким-то ожиданиям. Как Вы думаете, для построения благоприятного имиджа России на международной арене, как соотносятся ожидания, что от нас ждут в мире?

Штанько М.А. Я, на самом деле, не специалист в том, что от нас ждут на международной арене. Скорее, что мы ждём от международной арены? Потому что усиленно начинает культивироваться идея о том, что на нас все давят, с Евросоюзом были какие-то дикие фантазии вплоть до того, что специально всю серию террористических мероприятий в России затеяли только для того, чтобы затянуть её в Евросоюз. Я, честно говоря, затрудняюсь ответить на Ваш вопрос. Я не знаю, чего от нас могут ждать. Это совершенно конкретная прикладная

тема для исследований. Если заняться конкретным изучением, то можно что-то выявить.

Чернышов Ю.Г.: Доклад очень интересный, но теоретичный. Мало было конкретных выходов. Вы в Томской области живёте – появляются ли у Вас мысли, что там с имиджем можно сделать, какая основная идея, что лучше, что, наоборот, плохо работает? Хотелось бы услышать прикладные моменты того, о чём Вы говорили.

Штанько М.А.: Если говорить о Томской области, не знаю, насколько это может быть транслируемо на другие территориальные единицы. На сегодняшний день идея стабильности и позитивной динамики очень эффективна. Причем, надо отметить, что это всё ситуационно. По-разному можно воспринимать. Мне кажется, что это достоинство. У нас есть ситуационная потребность динамики. Была монетизация, соответственно была потребность в том, чтобы что-то добавить к этой монетизации. Поэтому наш губернатор повёл себя таким образом, чтобы выжить из этой ситуации для себя маленький плюсики.

Были несколько местечковые волнения среди работников системы высшего образования. Из этой ситуации тоже выжали, правда, не знаю, насколько это плюс, то есть, пустили по всем университетам некую абстрактную бумагу с требованием увеличить зарплату и всех остальных благ, которую все подписали. Это было инициировано тоже местной властью.

Поэтому есть потребность в закреплении этой стабилизации, потому что у населения и Томска и Томской области существует опасение в том, что вроде всё стабильно, а завтра раз – и не будет.

И очень чёткое реагирование ситуационной динамики, то есть, если какая-то проблема, то в Томске должны на неё отреагировать, причём положительно.

Чернышов Ю.Г.: Если проводить аналогию с прозвучавшим сравнением Тверской области, то Томская область – это что у России?

Штанько М.А.: Вообще, я не люблю таких аналогий. Я единственное, что могу сказать, возвращаясь к вопросу о стереотипах. Недавно я общалась с американцами, которые на полном серьёзе сказали, что у нас в Сибири уровень благосостояния измеряется количеством соболей, которых мы держим у себя дома. Поэтому первый вопрос, который они задают, это: «Сколько соболей у тебя дома?». Я говорю: «Вы знаете, вообще только кот». Всё. Я просто упала в глазах этих людей, то есть, я нахожусь за чертой бедности.

Поэтому, безусловно, я согласна с тем, что потенциал и Томска, и Томской области колоссальный. Причём, тут я не соглашусь с существующими концепциями, что это только природные ресурсы Томской

области (нефть и т.д.), я считаю, что у нас больше интеллектуального потенциала.

Хилькова Н.В.: Сейчас говорили об Украине. У меня там в 1990 г., когда прошёл знаменитый референдум, жили тетя и две сестры со своими семьями. Прошёл референдум, она нам звонит и говорит, что 100% проголосовали за независимость Украины. Выходцы из Нижнего Новгорода, все в их доме русские. И я помню нашу реакцию. Мы сказали: «Молодцы!». Понятно? А мы говорим, что «старший брат» и т.д., это смешно просто.

У меня к Марине Александровне вопрос. Я всё-таки не поняла, почему рассматривается индивидуальное видение, если говорится о политическом имидже страны; наверное, всё-таки, коллективное видение?

Ещё вопрос к Василию Александровичу. Во-первых, я хотела бы Вас поддержать как еврооптимиста. Вы – юрист, и использовали в своём докладе точные характеристики, а опирались Вы на опросы общественного мнения, которые базировались на том, что люди чувствуют? Причём этиология этих чувств совершенно не ясна, не понятна, не известна. И вот на этой абсолютно не известной природе базируются такие фундаментальные вещи. Это меня удивляет, может, Вы что-то можете сказать по этому поводу. И вот у Вас лично, есть ли какое-то собственное мнение, хоть Вы и юрист, об отличиях государственной, национальной и этнической идентичности? С моей точки зрения – это всё разные вещи.

Штанько М.А.: По поводу коллективного и индивидуального. Почему я называю индивидуальным видением, хотя опять же не претендую на уникальность? Может быть, если меня переубедят, я изменю своё мнение. Дело в том, что особенность восприятия отдельных характеристик имиджа напрямую связана с такими личностными вещами, как интеллектуальный уровень, уровень образования, степень осведомлённости о тех или иных событиях и т.д. Отсюда речь идёт о том, что одни и те же характеристики могут быть восприняты по-разному разными людьми. По этому поводу я могу привести пример. Выборы по Томской области, когда в Государственную Думу вместо Сулакшина, который достаточно долго там пребывал, был избран Лигачёв Егор Кузьмич. Большинство населения его избрали. Но, например, моя бабушка, не то, чтобы против проголосовала, она в ярости этот бюллетень чуть не порвала. Я её удержала от этого. То же самое сделали люди её поколения – 1920 г. рождения. Казалось бы, они смотрели одни и те же передачи, читали одни и те же статьи, но уровень восприятия был разный. Отчасти, осведомлённость о каких-то событиях и т.д.

На самом деле, что делали с имиджем Лигачёва? Делали совершенно фантастическую вещь. Его недостатки повернули так, что в нынешней ситуации они стали казаться достоинствами. И те люди, которые не знают, к чему эти недостатки привели в прошлом, они это восприняли положительно.

Поэтому я считаю, что даже имидж, также как и реальность, имеет оттенок личностного восприятия.

Лукашевич В.А.: Возвращаясь к Евросоюзу, я начну с небольшого признания, раз меня спросили. Я разделяю государственную, национальную и этническую идентичность, хотя национальную и этническую я бы не стал разделять, таким образом: этнически я себя ощущаю украинцем, государственно – россиянином, а с общефилософских точек зрения я себя ощущаю европейцем. Ни один из этих трёх статусов не мешает мне открыто в этом признаваться.

Человек, по моему мнению, существо иррациональное, в последний момент может решить всё, что угодно. Многие принимают решения прямо в избирательной кабинке. Поэтому я думаю, что вообще надо ориентироваться на чувства и на ощущения людей. Опросы общественного мнения дают очень интересную картину. Только им доверять нельзя, потому что это будет такой экскурс в субъективный идеализм, которого ни одно научное исследование не выдержит. Но и без этих данных мы не можем исследовать перспективы развития каких-либо политических институтов. Я бы сказал, что именно эти данные должны быть первоначальными, поскольку они позволяют понять мотивацию принятия решений.

Шерстова Л.И.: Небольшая реплика. Когда мы обсуждали вопрос о проблеме идентичности на Украине и в России, мы вольно или невольно возвращаемся к спору XIX в. о том, как русские относились к украинцам и как украинцы воспринимали русских. Если русские видели в малороссах самых ближайших себе родственников и не вкладывали ничего уничижительного, считая их людьми родственной близкой культуры, то частью украинцев это воспринималось как определённое оскорбление. К сожалению, эта ситуация сохраняется до сих пор, ситуация, связанная с определёнными стереотипами восприятия русскими украинцев и украинцами русских. Именно потому, что, прежде всего, русские не видели разницы между собою и украинцами во многих культурных бытовых проявлениях, такое поведение украинцев в России для многих стало казаться несколько неожиданным.

Что касается Томска, то я приглашаю Вас в наш город, потому что самый большой лозунг, который у нас висит, наряду со стабильностью,

о чём говорила Марина Александровна, это, конечно: «Томск – это умный город».

**Обсуждение докладов Игнатьевой Л.Н,
Савковича Е.В., Краснобаевой Н.Л.**

Кряклина Т.Ф.: Хотела бы задать Нелли Леонидовне такой вопрос. Как Вы считаете, чем отличается национальная мифология от национальной идеологии?

Краснобаева Н.Л.: Я считаю, что национальная идеология – это более объёмное понятие, которое включает в себя и национальную мифологию, а также и политическую идеологию, на основе чего формируются основные духовные идеологические формы развития государства.

Кряклина Т.Ф.: Чем Вы объясните тот факт, что ни одно современное национальное государство не развивается без наличия национальной идеологии? Целые институты работают над тем, чтобы эту идеологию создать, чтобы её сформировать и т.д.

Краснобаева Н.Л.: Государство должно иметь данную идеологию, основа которой – развитие будущего государства, планы, возможности, например, программного обеспечения. Но почему своя идеология? Это попытка найти своё место в истории.

Небальзин В.П.: Какая сейчас в Казахстане ситуация с языком? Вы живёте в Казахстане, Вы знаете казахский язык? Для того, чтобы Вам стать депутатом, нужно знать казахский язык? Это первый вопрос.

Второй. Какие этнические пропорции сейчас в Казахстане?

Третий. Какая эмиграция в Казахстане за прошедший год? Уменьшается, на том же уровне, едут русские или нет?

И вопрос по поводу мифологии. Нас как русских волнует вопрос нахождения русских за границей. Я не беру Прибалтику, но во всех государствах есть проблемы. На чём основываются эти проблемы нахождения наших русских там? Казахстан – это наиболее дружественная нам страна, за исключением Белоруссии. Остальные относятся намного хуже. Через призму отношений России с Казахстаном можно посмотреть на другие страны. Они видят в России образ врага, не США, не Китай, а именно Россию. Почему так складывается? Может, это объективно, что у нас, у русских, внутри где-то сидит агрессия или экспансия, что об этом на протяжении 300 лет говорят? Естественно, отношение к нам складывается такое, что мы вот-вот захватим. Мы видим на самом деле, что у нас такая огромная территория, и мы вынуждены её охранять. Тем более, что у нас остаётся ещё что-то имперское: давайте, Советский Союз в прежних границах возродим, нам мало России, давайте больше территории!

Игнатьева Л.Н.: Что касается первого вопроса – языка. У нас такая своеобразная ситуация сложилась, что большинство казахов не знает казахский язык. Первоначально вводилась программа, чтобы к 1994 г. перевести всё делопроизводство на казахский язык. Эта программа благополучно провалилась. До сих пор у нас этого ничего нет. Но каждый год принимаются программы по углублению изучения казахского языка. Действительно, чтобы занять какую-то государственную должность, формальным требованием является знание казахского языка, но в реальности казахско-язычным является только юг Казахстана. Что касается северо-востока Казахстана, то здесь большинством населения, как и в прежние времена, пока остаётся русское население, и казахский язык пытаются внедрить, но любое насильственное действие всегда вызывает противодействие, и пока это не удаётся.

Что касается пропорций, то сейчас казахи являются большинством населения республики, доля русских уменьшается.

Что касается эмиграции, то с 1997, с 1998 гг. она заметно уменьшается, миграционное сальдо составляет в пределах 100–200 тыс. чел в год.

Краснобаева Н.Л.: Я бы хотела дополнить ответ о языках. Языковая политика имеет огромную государственную поддержку. Во времена Союза, в Казахстане основным языком был русский. Естественно, были русифицированы школы, хотя были и казахские школы в том числе. Пытаются найти причину в проблеме того, что страна не может так быстро выучить язык. Более того, нет буквальной потребности в этом языке, то есть, в обыденном общении даже сами казахи общаются на русском языке.

Ещё есть одна особенность, связанная с языковой системой. В казахском языке есть литературный язык и разговорный язык, и они очень сильно различаются между собой. У них отсутствует целый ряд слов, и поэтому отдельные слова обозначают разные предметы, иногда противоположные между собой, в зависимости от контекста и ударения. Поэтому, если Вы читаете книгу, а в данном случае Вы не до конца точно воспринимаете контекст, то у Вас получается совершенно другое высказывание. Именно эта проблема была, когда перевели Гражданский уголовный кодекс на казахский язык и попытались по нему судить. А в законе существует одно правило, поэтому эти законодательные переведённые документы пока сохраняются в качестве видимости, что всё-таки этот документ на государственном языке.

И ещё один момент. Действительно, население обучается языку, курсы проводятся. Происходит интересный уклон, связанный с попыткой заставить учить казахский язык. Так, например, одним из канди-

датских экзаменов для того, чтобы защищать диссертацию, у нас сделали казахский язык. Он сдаётся специальной комиссией, и чаще всего быстрая его сдача происходит для тех, у кого есть на бытовом уровне хотя бы минимальные знания языка.

К слову, об «образе врага». Достаточно тесные взаимоотношения с русской культурой существуют не потому, что они в советское время были, это было и в дореволюционное время, и ещё великий Абай говорил, что необходимо казахам знать русскую культуру, так как благодаря ей они выходят в мир и понимают другие культуры. Это тесное взаимоотношение и сыграло свою роль, как говорили об Украине, что элемент агрессии и «образ врага» связан с этим. Изначально, система «образа врага» формировалась таким образом, что, например, те процессы, которые прошли: исторически кризисные, неблагоприятные, катастрофы, которые были у всех народов, они имеют увеличивающий статус для отдельной нации. Тоже элемент исторического мифотворчества здесь связан с тем, что каждый раз цифра пострадавших казахов во время голода и коллективизации увеличивается. Причём сейчас она зашкаливает до цифры, гораздо большей, чем вся численность этноса, которая в то время была.

Коробкова Н.П.: У меня вопросы к Людмиле Николаевне. Первый вопрос такой. Поскольку Вы сказали, что с 1997–1998 гг. уже постепенно нормализуется миграционная ситуация в вашей стране, то в этой связи располагаете ли Вы данными, какой процент составляет русскоязычное население в составе политической элиты, особенно экономической элиты и интеллектуальной элиты?

Второй вопрос. Я знаю, что русскоязычное население присутствует в политической оппозиции, но насколько активно участвует оно в этой политической оппозиции, и в том числе в правозащитных организациях?

Третий вопрос. Существуют ли, на Ваш взгляд, сегодня эффективные правовые механизмы защиты прав русскоязычного населения, или известны ли Вам факты судебного преследования по поводу дискриминации по национальному признаку? Получило ли это какое-то освещение в прессе, предано было огласке и т.д.?

Игнатьева Л.Н.: То, что касается процентного соотношения политической, экономической и интеллектуальной элиты и представительства там некоренного населения, у меня точных данных нет, но, в общем, я ситуацию могу охарактеризовать. Что касается политической элиты, то процент там некоренного населения очень маленький (парламент, правительство), максимально процентов 10.

Что касается экономической элиты, тут тоже довольно незначительный процент. Если взять акимов из областей, то получается человека 2–3 русских из 14 областей.

Если брать акимов городов, то тоже очень мало. На сегодняшний день у нас аким города, аким области представлены русскими. До прошлого года это были казахи.

По крайней мере, на севере и востоке ещё какое-то представительство русских есть. Что касается других регионов, то там практически русские отсутствуют. Скажем, акимом Алма-Аты долгое время был Храпунов, а сейчас он у нас аким области.

Что касается оппозиции, то здесь довольно активно представлено русскоязычное население русскими организациями (Компартия Казахстана и др.).

Что касается преследований по национальному признаку, то таких одиозных процессов не было.

Реальным механизмом защиты является то, что в конституции провозглашается равенство, запрет дискриминации по национальному признаку. При приёме на работу также запрет дискриминации по национальному признаку действует. Но, с другой стороны, при характеристике этого кандидата одним из условий может быть знание казахского языка. Доказать, что вас не приняли на работу именно по этому признаку, практически невозможно.

Дитц А.Х.: В своём сообщении Вы пытались нам донести, как шло создание население Казахстана, за счёт чего шёл прирост, и в последние годы за счёт чего идёт отток из Казахстана. На мой взгляд, я не услышал из Вашего сообщения, я знаю, что в Казахстане очень много немцев жило и до революции, особенно во время и после войны, корейцы, курды и др. Вы могли бы сказать несколько слов в этом направлении? Сколько этого населения было, какой процент оно занимало, и сколько его осталось сегодня?

Игнатьева Л.Н.: Что касается немцев и корейцев, то они были в своё время депортированы на территорию Казахстана. Немцев на территории Казахстана было около 1 млн., корейцев около 100 тыс.

Что касается сегодняшней ситуации, то, когда пошёл развал Советского Союза, то самый большой процент отъезжающих составляли немцы. Сейчас их на территории Казахстана остаётся очень мало. За период независимости выехало более 1 млн. немцев.

Что касается корейцев, то они остаются в Казахстане. Процент выезжающих остаётся минимальным.

Что касается других депортированных народов, то после войны, в основном, выезжали представители Кавказа. Остальным было запре-

щено выезжать. Остальные, те же чеченцы и другие представители Кавказа, не выезжают. Наблюдается такая особенность, что, наоборот, с Кавказа едут к нам.

Хилькова Н.В.: У меня вопрос к Людмиле Николаевне. Вы говорили о напряжённости в межнациональных отношениях в Казахстане на примере русских и казахов. А остальные? Ведь Казахстан многонациональное государство. И кроме уйгуров, о которых не рассказал уважаемый Евгений Владимирович, он говорил только о Казахстане, Китае, а в чём уйгурская проблема состоит, можно было только догадываться. Есть ли там напряжённость, или это только между казахами и русскими?

Игнатьева Л.Н.: Вообще, в литературе, научной и политической, речь идёт о русскоязычном населении, у нас к русским относятся и белорусы, и украинцы, и те же немцы. Есть казахи и остальные (европейцы, славяне и т.д.).

В какой-то степени есть напряжённость на юге Казахстана среди азиатских народов. Там всегда были казахи и узбеки.

Хилькова Н.В.: Вопрос к Нелли Леонидовне. Создаётся такое впечатление, что казахская нация не сложилась. Население проживает, государство есть, а нации нет. Она обязательно сложится, или возможны другие варианты, распад, развал?

И ещё один вопрос ко всем казахстанцам. Вы себя там чувствуете дома?

Краснобаева Н.Л.: Я себя чувствую в Казахстане дома, потому что дом – всегда дом. Если говорить о территории Усть-Каменогорска, то как таковой дискриминации мы не испытываем. На бытовом уровне, может быть, какие-то противоречия есть. Иногда эти бытовые противоречия доводят до каких-то формальных, политизированных вариантов. Конечно, они не несут на себе той характеристики, которая в печати используется.

По поводу будущего Казахстана. Ещё древние говорили, что надежда умирает последней. Я думаю, что строить сейчас какие-то утопичные идеи, рассказывать программы, которые у нас есть, я не могу. Есть огромное количество субъективных и объективных причин, по которым вполне возможно, что ситуация может сложиться в разные стороны. Но на данном этапе период формирования идёт. Сложный, болезненный процесс, тем более, уже говорили о региональном делении. Какие-то противоречия есть. Например, для Восточного Казахстана сложность в том, что туда стало переезжать огромное количество не только сельских жителей из отдалённых районов в города, но ещё и жители с юга Казахстана. Потому что эта территория более благопри-

ятная в экономическом плане, более стабильная. Обратите внимание, что это противоречие не между отдельными этносами в государстве, а внутри самого казахского этноса. И то, что я говорила о западной культуре, это тоже противоречие, которое связано с кризисом внутри этноса. А слово «казахстанская нация», я считаю, что это прекрасная характеристика, показывающая возможность нормальному развитию государства. Есть целый ряд оппозиционных направлений, там в основном выступают против действующей политической элиты.

Козулин В.Н.: У меня возникло два вопроса. Первый касается культурной идентификации Казахстана, это как раз национальная мифология. Я бы хотел поделиться одним своим мнением, хотя я далеко не специалист по Казахстану. Мне недавно попался на глаза учебник «Культурология», написанный на соответствующей кафедре в Алмаатинском университете. На титульном листе после слова «Культурология» было написано следующее, насколько я помню: «Казахстан, Евразия, Европа и Азия». То есть, я так понял, полистав этот учебник, что отдельные культурологи определяют место Казахстана не только в Азии, но и в Европе. Здесь Казахстан отчасти пытается отобрать или оспорить имидж России, потому что это та степь, с которой Россия себя отождествляет. Какое место, на Ваш взгляд, Казахстан сейчас себе отводит в мире?

Второй вопрос. Каков имидж Казахстана на Западе?

Краснобаева Н.Л.: Действительно, в Казахстане большую популярность приобретают идеи евразийства. Делается попытка найти своё место между Востоком и Западом. При этом указывается, что смысл не связан именно с территорией, а с тем, чтобы создать такое государство, которое бы объединило культурные традиции Востока и Запада вместе с регионами.

По поводу второго вопроса. Если посмотреть реакцию, которая появляется в западной прессе на Казахстан, то в данном случае она более благоприятна, чем в отношении иных азиатских регионов. Потому что налицо элемент стабильности, есть более спокойная форма экономического развития. Это не означает, что во всём идеальный вариант, но регионы развиваются. И в политическом плане – есть соблюдение тех основных обязательств, которые были поставлены перед руководством Казахстана. Поэтому в данном случае имидж более благоприятный.

Бойко В.С.: Мой вопрос касается доклада. На каком основании Вы заявляете, что стабильность в Казахстане – это следствие того, что было достигнуто в советское время? Так можно сказать в отношении любой постсоветской республики. Но стабильность – это серьёзная категория, серьёзное состояние, которое достигается в течение длительно-

го времени и, конечно, казахстанским руководством. Что Вы имеете в виду, когда заявляете, что это просто следствие советских времён?

Краснобаева Н.Л.: Я не говорила о том, что это просто следствие. В контексте разговора это звучало таким образом, что в данном случае национальная мифология и формирующиеся традиции не отражают ещё пока тех задач, которые поставлены перед государством, то есть пока ещё есть проблемы. А государство живёт стабильно в результате, и одним из элементов этого результата является сохранение старых систем традиционных взаимоотношений, существующих этнических особенностей, в частности, доброжелательность, толерантность, добрососедство и т.д. Если вдруг я выразилась по-иному, прошу извинить.

Штанько М.А.: У меня вопрос к Нелли Леонидовне. Поясните следующий момент. Вы сказали о том, что в качестве образа врага для Казахстана выступает Россия. Как Вы можете объяснить тот факт, что от года в год растёт приток казахских студентов в российские вузы не просто со стремлением отучиться и уехать, а со стремлением получить российское гражданство и остаться там?

Краснобаева Н.Л.: Я ещё раз повторяю, что «образ врага» заключается не в том смысле, что мы все выходим и начинаем в друг друга стрелять или ненавидеть друг друга. Я уже упоминала этот момент, что это формирующаяся система противопоставления себя. Вполне возможно, что она идёт только на бессознательном уровне.

По поводу общения и добрососедского отношения, слава Богу, что они таковые есть.

По поводу казахстанских студентов я могу добавить, что внутри Казахстана есть огромное количество филиалов российских вузов и там, что интересно, большой процент казахов, которые, как я говорила, не во всём связывают своё будущее со своим собственным государством.

Савкович Е.В.: Полувопрос, полукomentarий. Назарбаев во всех программных документах заявляет о том, что этническая гармония в республике может быть достигнута в том числе за счёт быстрого роста экономики и составляющих. Национальные проблемы выносятся за скобки и обуславливаются этим экономическим развитием. Казахстан за последние годы демонстрирует неплохие темпы роста, порядка 8%. Какова возможность достижения этнической гармонии, на Ваш взгляд, через экономические моменты?

Второй вопрос. Почему ни в одном официальном статистическом сборнике, сводках МВД, не приводится количество китайцев? Это проблема безопасности, что, её нельзя озвучить, либо что-то другое?

Краснобаева Н.Л.: По поводу экономической составляющей. Действительно, одним из важных направлений и в программах, которые

используются в Казахстане, ставится экономическая составляющая как форма не только укрепления государства, но и политической стабильности. К слову сказать, в посланиях президента большое место занимает и остальные факторы, в частности, система отношений, система национального строительства. И здесь, кстати сказать, большую роль играет очень интересная структура, которая есть в Казахстане, и она работает (отпраздновала недавно юбилей). Существует Ассамблея народов Казахстана, председателем которой является сам президент. Она включает в себя культурные национальные центры, каждый из которых имеет право на создание своих школ, реализацию своих традиционных форм поддержки своей культуры и имеет право представительства. Причём, было отмечено 10 лет этой Ассамблее, и каждый из национальных центров предложил свою программу реализации, восстановления культурной самобытности и возможности решения своих собственных проблем. Данная Ассамблея полностью содержится за счёт государства. То есть, сказать, что вопросы, связанные с иными материалами, нежели экономическая составляющая, не решаются, нельзя.

Хилькова Н.В.: Хотела дополнительно вопрос задать, что касается образа врага. На счёт России здесь всё понятно, это как подростки, вырастая, отделяются от родителей, видят в них временно врагов, так, наверное, Казахстан и Россия. А Китай? Не подходит ли он на этот образ врага гораздо лучше, и что думают в политических, научных кругах, в прессе, и что говорит по этому поводу национальная мифология?

Краснобаева Н.Л.: Можно, я подумаю, и во время дискуссии отвечу Вам на этот вопрос, так как он требует подготовки.

Курныкин О.Ю.: Несколько совестно пытаться наших гостей из Казахстана, но многочисленные вопросы к ним объясняются тем, что у нас, в Сибири, особое отношение к Казахстану. Вопросы к Людмиле Николаевне.

Казахстан как независимое государство существует уже 15 лет. Можно ли за этот срок проследить некую эволюцию, динамику официального подхода к разрешению национальных вопросов в Казахстане? Менялась ли позиция официальных властей в разрешении национальных проблем?

И второй уточняющий вопрос по поводу численности населения Казахстана. Есть ли расхождения между официальными цифрами и оценками экспертов по поводу численности населения Казахстана?

Сразу вопросы и Евгению Владимировичу по поводу уйгурской проблемы, которая, как мне кажется, незаслуженно у нас ушла в тень, хотя для Казахстана это серьёзная проблема.

Первый вопрос. Уйгурская проблема – это, прежде всего, проблема внутриказахстанская, или же это проблема взаимоотношений Казахстана и Китая? Из доклада я не очень это уловил для себя.

Второй вопрос. Вы говорили о том, что полагаете, что Китай, так или иначе, разрешит уйгурскую проблему. Что Вы вкладываете в эти слова? Как Китай разрешит уйгурскую проблему?

Игнатьева Л.Н.: Что касается первого вопроса о позиции властей в попытке разрешения национальных проблем. Если брать начало 90-х гг., то после обретения независимости наступила так называемая революционная эйфория, что мы независимы, что мы сами построим государство, а что будет с остальными, нас вообще не касается. Результатом этого явилась, как я уже говорила, фраза в конституции о самоопределившейся казахской нации. Отсюда, очень мощный миграционный отток населения. После этого таких одиозных документов не принималось по поводу ущемления прав неказахского населения. В дальнейшем делались попытки, принимались законы, программы на установление нормальных межнациональных отношений. Я одно время занималась этой проблемой. В 1998 г. разрабатывалась программа по улучшению миграционной ситуации в Казахстане, то есть, когда отток населения был очень значительный. В этой программе как раз и прозвучала фраза о формировании казахстанской нации. В дальнейшем руководство, принимая законы, программы, использует это, чтобы сократить миграционный поток.

Что касается второго вопроса о расхождении в оценках численности населения в официальных и не официальных источниках, то я бы не сказала, что они значительные. По крайней мере, уже говорили о программе «20–30», там президент поставил цель, чтобы население Казахстана к 2030 г. составляло 25 млн. чел. Перепись 1999 г. зафиксировала убыль населения более 1 млн. чел. У нас сейчас чуть больше 15 млн. чел.

Савкович Е.В.: Я бы хотел пояснить свою позицию, может быть, из доклада она не совсем была понятна. На мой взгляд, уйгурская проблема достаточно сложна, так как уйгуры являются местным населением, а китайцы – пришлое население. Проблема заключается в экономических и политических правах уйгурского населения в рамках автономии. В Китае сложилась довольно противоречивая система автономии, что связано, в частности, с китайской трактовкой прав человека, когда сначала необходим определённый уровень экономического благосостояния народа, а потом уже политические права.

То же самое для Казахстана. Одно время руководству Казахстана было выгодно существование и функционирование политических ор-

ганизаций и объединений уйгурского народа на территории республики. По моим данным, порядка 300 тыс. уйгуров проживает в Казахстане. Им оставили полную культурную автономию.

Проблема, на мой взгляд, постоянно перемещается в рамки межправительственных объединений, в том числе, в ШОС, однако Китай оставляет за собой право решения этой проблемы, наверное, всё-таки силовыми методами, и через применение практики «одна семья – один ребёнок» для уйгурского населения.

Ерёмин И.А.: У меня четыре вопроса. По два вопроса к каждой докладчице.

К Людмиле Николаевне такой вопрос. Как Вы считаете, представители какого Жуза в правящей элите Казахстана более толерантны в межнациональных отношениях? Я имею в виду то, что раньше была такая традиция у казахов, чтобы правили представители старшего Жуза. Насколько я знаю, Назарбаев не является представителем старшего Жуза.

Второй вопрос. Скоро в Казахстане парламентские выборы. Много пишут о том, что Казахстан – следующая страна, бывшая республика Советского Союза, где будет «цветная революция». Скорее всего, она будет зелёного цвета, местные батыры поставят юрты и т.д. Вполне реально угроза того, что к власти придут казахские националисты, для которых главным принципом является то, что Казахстан – это государство с самоопределившейся казахской нацией. В случае усиления дискриминации русских людей в Казахстане видите ли Вы возможность, что русские, проживающие на северо-востоке, могут как-то консолидироваться для защиты своих интересов и дать отпор по типу того, как поступили русские люди в Приднестровье?

Два вопроса к Нелли Леонидовне. Первый. Как Вы считаете, не является ли создание национальной мифологии отражением того факта, что все независимые государства, возникшие на обломках Советского Союза, это все государства искусственно образованные, в природе никогда ранее не существовавшие? Отсюда и мифотворчество.

Второй вопрос. Не считаете ли Вы, что в образе русского человека в казахском общественном мнении сегодня утвердилась точка зрения известного марксиста-интернационалиста Ульянова-Ленина, который в своей известной работе, «К вопросу о национальностях, или об автономизации», дал такую характеристику русскому человеку: «Истинно русский человек в сущности подлец и насильник»?

Игнатьева Л.Н.: То, что касается преобладания Жузов, это будет лично моё мнение. Наиболее толерантно относятся к нациям представители среднего Жуза.

Что касается второго вопроса о «зелёной революции» или какой другой, то, на мой взгляд, в Казахстане «зелёной революции» в ближайшее время всё-таки не будет, так как наш президент обладает достаточно сильным чувством власти на сегодняшний день. Наличие большой доли русского населения в Казахстане сводит на нет все экстремистские проявления.

Краснобаева Н.Л.: То, что касается мифотворчества. Разговор шёл не о том, что это искусственные образования, но понятие «мифотворчество» – это этап любого культурного национального строительства, возрождения. Оно основывается на предыдущих элементах и мифах. Я думаю, что этот вопрос относится более к естественным процессам развития. Человек занимается мифотворчеством, создаёт какие-то идеалы. Миф – это иносказание о реальности человеческого опыта, который коллективно выражен в некой закодированной форме. Причём весь коллектив эту закодированную форму понимает. Если происходит то, что закодированная форма до конца не понимается, то дополнительный элемент помогает развиваться государству, это не означает, что оно искусственно было создано.

На второй вопрос я Вам отвечу в дискуссии.

Кряклина Т.Ф.: Мне думается, что вопросы, которые были подняты в докладах и в обсуждении, имеют отношение не только к Казахстану, о котором мы очень много говорим, они имеют отношение вообще к политико-правовому положению не доминирующих этнических групп в современных многонациональных государствах, которые возникли на постсоветском пространстве. Это не случайно. Потому что в современной этнополитической науке этническая группа рассматривается во внутригосударственной борьбе как соответствующая политическому классу. Этнические группы рассматриваются сегодня как важный инструмент в борьбе за власть, статус и благосостояние. Поэтому очень бы хотелось от уважаемых докладчиков, в частности, от Людмилы Николаевны, услышать, как, каким образом представители различных этносов представлены в различных ветвях власти (законодательной, исполнительной, судебной и административной)? Может быть, здесь не случайны те противоречия, которые имеют место в современном Казахстане?

Относительно статуса. В той конституции, которая была принята в 1993 г., был чётко определён особый статус этноса казахов. Это, безусловно, меняло положение. Какова роль этого этноса в межнациональных отношениях?

Затем, как Вы говорили, были сделаны изменения в конституции, которые уравнивали все этносы в правах. Это было политическое уравнение. Но реального уравнения, как мне представляется, сегодня нет.

И третий момент. Благополучие, то есть уровень жизни представителей различных этнических групп. Если мы хотим сделать анализ межнациональных взаимоотношений, нужно брать эти три параметра и показывать, как сегодня изменился уровень этнической, политической элиты республики Казахстан, и каков сегодня реальный уровень жизни русскоязычного населения или представителей других этносов.

Следующий момент. Сегодня появился такой очень интересный термин, который характеризует положение русских в бывших советских республиках – «русские нацменьшинства». Сам по себе термин несуразный, потому что раньше национальными меньшинствами называли представителей малочисленных этносов. Русские во многих бывших советских республиках таковыми не являются, они являются значительной частью современных государств. Тем не менее, по своему статусу, по политическому и правовому положению они сегодня находятся в нижней структуре социально-политической лестницы. Для меня лично это понятие тоже представляет огромный интерес.

Был вопрос относительно национального языка. Сегодня в конституции Казахстана признаны два государственных языка или один? Это одно из главных оснований, из-за которого многие русскоязычные представители покидают Казахстан. В прогнозе специалистов на ближайшие 5 лет исход русских, это уже и прошедшее время, прогнозировался в численности 2 млн. чел. Сам по себе статус казахского языка как государственного становится своеобразным препятствием для обучения русскоязычного населения в образовательных учреждениях республики Казахстан.

Приведу конкретный пример. Совсем недавно, на международной конференции в г. Павлодаре по проблемам образования, было объявлено три языка: русский, английский и казахский. Но все выступающие в основном говорили на русском языке. И лишь единственный представитель местной власти из администрации Павлодара, женщина, выступила на казахском языке. Я единственная сказала о том, что нужно было рядом с собой иметь переводчика. Эта проблема не так поверхностна. Потому что есть реальное противоречие, есть реальное социальное, политическое, экономическое, правовое неравенство представителей недоминирующего этноса в новых национальных государствах бывшего Советского Союза.

По выступлению Савковича, я хотела бы поблагодарить его за то, что он действительно озвучил проблему конкретного этноса, потому

что для нас, россиян, она тоже, по-видимому, имеет место. Потому что в сегодняшнем нашем обыденном сознании эта проблема чаще всего ассоциируется с уйгурской кухней. Ваша постановка этой проблемы, её связи с терроризмом мне представляется очень интересной и перспективной для дальнейшего исследования.

Что касается выступления Нелли Леонидовны. Выступление, безусловно, очень интересное, но мне оно показалось не очень убедительным, потому что Вам надо было бы развесть понятия «национальная мифология» и «национальная идеология». Говорить с точки зрения обыденного сознания об очень серьёзных принципиальных вещах, которые определяют внутреннюю и внешнюю политику государства, – мне кажется, это несколько поверхностный взгляд. И то, что сегодня национальная мифология преобладает и в политике, и во внутренней жизни, – это своеобразная болезнь роста этого молодого национального государства. Вы привели конкретные примеры относительно Дня Защитника. В нашем сознании 23 февраля – это День Защитника, день бывшей Советской Армии. Батыр – это образ национального мифологического героя во всём тюркоязычном этносе, поэтому все тюрки так живо и откликаются на Батыра и т.д. Почему бы современным пиаровцам не подумать, как совместить в этом советском бывшем празднике, нынешнем российском, и, может быть, национальном празднике то лучшее, что воспитывает современное мужское молодое поколение?

Если мы говорим о национальной мифологии, национальной идеологии, нужно привести разные варианты понимания «национального». Потому что в нашем сознании «национальное» всегда ассоциируется с шовинизмом, национализмом и т.д. Это далеко не так. «Национальное», и национальная идея в частности, имеют исключительно важное значение в период формирования национальных государств. С этим сегодня сталкивается и Россия, и многие бывшие советские республики, которые называют себя современными национальными государствами.

Мне хотелось бы ещё пожелать такое. Мне кажется, что сегодня настало время, когда, может быть, на таких форумах политологи, специалисты должны прямо говорить о политических и правовых правах некоренного населения, а также предлагать конкретные инструменты их решения.

Бойко В.С.: Я не слышал выступления Савковича, но его реплики по поводу существа уйгурской проблемы меня крайне удивили, и ответственна реакция на понимание этой проблемы. Для России она точно никак не существует. И нет тесной взаимосвязи между неблагополучием уйгурского этноса в Китае и проблемой терроризма. Это больше в рамках воинствующего исламизма, где уйгуры тоже фигури-

руют. Например, двух уйгуров в Афганистане в своё время нашли. Их очень немного. А для Китая точно они не представляют особой угрозы, и уж тем более Китай не решает эту проблему исключительно силовыми методами. Есть масса грамотных и долговременных программ, социально-демографических и т.д. Конечно, Китай пытается изменить демографический баланс и т.д., и там не всегда спокойно, но это больше исторические обстоятельства. Когда мы говорим об уйгурской проблеме, есть, разумеется, какие-то геополитические условия, договорённости. Китай не говорит о чеченской проблеме, а Россия не говорит об уйгурской, хотя они могут существовать. Вот Вы говорили, «одна семья – один ребёнок», но это касается всех, уйгуры в этом смысле не пострадавшие. На настоящий момент проблема может существовать для Казахстана. Как это ни странно, но те общины, очень значительные, Вы говорили, треть млн. почти, они представляют определённую проблему. И здесь участвуют внешние силы. Те же американцы. Они очень тщательно учитывают каждого уйгура на территории государств Центральной Азии и так или иначе иногда направляют эти аргументы против Китая. То есть, я бы скорректировал ситуацию с уйгурской проблемой. Вы её добросовестно изучаете, я видел Вашу заметочку, но, мне кажется, это в основном электронный, компьютерный поиск пока, потому что когда человек оказывается на месте, во всём комплексе проблем Центральной Азии эта проблема меркнет, она не очень значительна.

Дитц А.Х.: Вопрос к Людмиле Николаевне в отношении российских немцев в Казахстане. Проблема эта не простая, поскольку российские немцы за последний век внесли огромный вклад и в экономику и в культуру.

Я знаю, что на территории Казахстана ещё до Великой Октябрьской революции проживало более 40 тыс. российских немцев. К началу Великой Отечественной войны эта численность достигла 100 тыс. В период Великой Отечественной войны, когда шла великая депортация российских немцев из других регионов, главным образом из Поволжья и Украины, то в Казахстан попало примерно 450 тыс. российских немцев. По переписи 1989 г. в Казахстане проживало более 1 млн. 200 тыс. российских немцев. Я знаю, что российские немцы расселились на не самых благоприятных территориях, в основном, в степи. Они эти степи окультурили, и на тот момент было очень много известных колхозов и совхозов в бывшем Советском Союзе.

В конце 80-х – начале 90-х гг. российских немцев выживали с их территорий. Казахи приходили, говорили, чтобы они уезжали и оставляли все дома, колхозы, совхозы.

Сегодня та территория, которая обихаживалась российскими немцами, пришла в запустение. Там нет ни совхозов, ни колхозов и т.д. Самое трагичное для Казахстана и для других республик Советского Союза, что этот трудолюбивый миролюбивый народ вынужден был выезжать. Я знаю, что сегодня с территории Казахстана выехало в Германию примерно 1 млн. немцев, а если брать с членами их семей, то эта цифра увеличивается до 3 млн. чел.

Я знаю, что когда-то и Казахстан, и Россия, и другие республики бывшего Советского Союза серьёзно пожалеют о том, что вовремя не опомнились и не решили национальную проблему этого народа. Я думаю, что сегодня повлиять на то, чтобы народ «российские немцы» самовозродился как в Казахстане, так и в России, невозможно. Условий реальных нет. Но эта проблема, на мой взгляд, будет ещё долго жить и болеть в сердцах не только российских немцев, но и всех цивилизованных народов Казахстана и России, да и в научном мире.

Тарасова Е.В.: Мне хотелось бы ответить на некоторые вопросы, которые задавались моим землячкам. По поводу китайцев, которые вроде бы есть, но по статистике их нигде нет. Я могу сказать по поводу Казахстана, что учитываются миграционные статистики прибывших из КНР на постоянное местожительство, и по официальной статистике все, кто прибывает в Казахстан из Китая, это этнические казахи. Это те, кто едут по программам репатриации. Никаких китайцев там не зафиксировано. Я думаю, что проблема на самом деле в том, что китайцы имеют ограниченную возможность для получения вида на жительство или гражданства в Казахстане и въезжают только по визам на короткий срок, а проживать постоянно им не дают возможности.

Что касается особенностей учёта населения Казахстана, я бы хотела сказать, что официальные органы во многом искажают информацию, в частности, перепись 1999 г. это показала. Многие эксперты-демографы писали о том, что численность казахского этноса была искусственно завышена. Они использовали анализ других демографических показателей, то же естественное движение, и приходили, естественно, к другим результатам. Была занижена численность и удельный вес нетитульных этнических групп, но в то же время, это не предел искажения и фальсификации данных. Гораздо более разнородные, неполные, либо завышенные данные дают различные международные фонды, организации, структуры ООН. Известный чешский демограф Томас Кучера делал сравнительный анализ данных международных организаций о численности населения Казахстана и Центральной Азии в целом, и на многих сайтах, в базах данных фигурируют такие цифры, как 16, 17 млн. чел, либо 14, 13 млн. чел, то есть, они настолько далеки

от реальности, что просто страшно становится. Эксперты, те, кто пытаются рассматривать эту проблему на сегодняшний день, к сожалению, зачастую не готовы, не компетентны давать количественные оценки и дают какие-то округлённые данные, поэтому на мнение экспертов по этому вопросу вряд ли можно рассчитывать.

По поводу казахских студентов был очень интересный вопрос. Я думаю, то, что в постсоветский период положительная динамика, как я поняла, в Томске, происходит, говорит о том, что родители этих студентов рассматривают вариант социализации именно в российских условиях как выгодный, как наиболее подходящий для их детей.

По поводу роста удельного веса казахов в миграционном потоке, в том числе учебной миграции. Мне кажется, нужно помнить о том, что по количественным характеристикам это на нашествие в любом случае не похоже. Меня в своё время поразила одна статья по миграционной ситуации в Оренбургской области. Автор, доктор наук, профессор, писал о том, что за 1 год в Оренбургской области число узбеков увеличилось вдвое, и ссылался на таблицу в конце текста. Я открыла эту таблицу, там написано, что в прошлом году два узбека, в этом – четыре. Ну кто поспорит, что их стало вдвое больше? Никто. То есть, эти увеличения незначительные, удельный вес меняется, но количественно это для России ничто.

По поводу «цветной революции». Мне кажется, что сценарии, по которым развивались события в Украине и в Киргизии, для населения Казахстана привлекательными не кажутся. Это видно по тому, как реагировала пресса. На события в Украине «Ура!» никто не кричал. А события в Киргизии своеобразно переживали, в основном, обходились статьями, написанными якобы от лица обывателей, представителей разных этнических групп. Скорее всего, невозможно на сегодняшний день создание в Казахстане реальной оппозиции и мобилизация русского населения в самостоятельную политическую силу. Русские Казахстана к этому не склонны по определению. В то же время, нельзя в ближайшие годы ожидать исхода русских из Казахстана, потому что миграционный потенциал очень быстро истощается, русские Казахстана – это стареющий народ, и поэтому миграционная активность достаточно невысока.

Курныкин О.Ю.: Мне хотелось бы высказаться по некоторым моментам. Прежде всего, по поводу национального вопроса в Казахстане. Я не специалист в этом вопросе, я выскажусь как заинтересованный наблюдатель. Мы должны исходить из того, что национальный вопрос в Казахстане стоял совершенно иначе, чем в других вновь образовавшихся государственных образованиях на постсоветском пространстве. Дейст-

вительно, это была уникальная республика, где русских было больше, чем представителей коренного этноса. В связи с этим, при формировании этого государства национальный вопрос стоял совершенно иначе: чтобы Казахстан выжил как национальное государство, необходимо было изменить демографический баланс. Эта задача стояла перед национальным руководством Казахстана. На мой взгляд, первая половина 90-х гг. ушла на то, чтобы выдать из Казахстана «лишних» русских, русскоязычных, в том числе немцев, чтобы изменить этот баланс таким образом, чтобы не создавалась проблема распада или отделения от Казахстана северных областей.

К середине 90-х гг. эта проблема была снята. В дальнейшем произошла смена стратегии. Речь идёт о том, что сейчас руководство Казахстана взяло курс на интеграцию оставшихся русских и русскоязычных в состав казахстанского общества, ибо проблема распада Казахстана сейчас уже не стоит. В связи с этим меняется сам подход в решении этих вопросов. Более того, у меня такое ощущение, что национальные проблемы во взаимоотношениях между русскими и казахами более поддаются урегулированию, чем, например, отношения между казахами и узбеками, ибо казахи и русские относятся к единой социокультурной среде. Их сближает единый язык, культура, они толерантны друг к другу. В то же время, отношения между узбеками и казахами на юге – это проблема чисто азиатского типа. Здесь проблемы урегулирования этих противоречий могут решаться кровью. Я хочу быть плохим предсказателем, но я не исключаю такой возможности.

По поводу мифологии. Здесь состоялся интересный разговор по поводу этой проблемы. Мы должны, прежде всего, исходить из того, что мифология – это совершенно объективная вещь. Общественное сознание не может жить вне мифологии, без мифологии, ибо общественное сознание, общественная психология заинтересованы в комфортных стереотипах для себя, и они неизбежно создаются. Если мы посмотрим школьные учебники по истории, то там целая череда этих мифов. По поводу «цветных революций» в Казахстане – тоже миф, который мы себе сами создаём, причём без применения к конкретной ситуации в каждой стране. Я тоже считаю, что в Казахстане «цветная революция» вряд ли возможна. Мы уже запугиваем сами себя. Не надо к этому серьёзно относиться. Надо просто анализировать ситуацию в каждой стране.

Ещё один вопрос. Нам обидно, когда к русским плохо относятся в этих республиках. Это явление следует рассматривать в контексте процесса взросления и становления национальных государств. Это надо пережить. Тем более, теперь к России в Казахстане относятся

иначе, чем в начале 90-х гг. Эта динамика совершенно объяснима, и России суждено пережить то, что пережили другие империи. Есть такое понятие, как «колониальная неблагодарность». Здесь Россия переживает то, что в своё время пережили англичане, французы и т.д. Это всё должно уйти. Важно то, насколько Россия сможет рационально воспользоваться теми историческими связями, которые сложились на протяжении веков. У меня нет оптимизма по этому поводу. Политика России по отношению к прежним окраинам Российской империи, как представляется, не рациональна. Она по-прежнему проникнута имперским духом. Мы не можем адекватно оценить то, что происходит на постсоветском пространстве.

Бойко В.С.: Я попытаюсь закрыть китайскую проблему. Мы недавно закончили международный проект по трансграничной преступности, там есть представители Казахстана. По моим собственным данным на моём участке, в Казахстане именно китайцы контролируют нелегальный бизнес, контрабанду леса из Алтая. Им не надо присутствовать физически, и в этом смысле китайской проблемы не существует. Китай предпочитает сугубо финансовые методы, есть целые государства и отрасли, в которых доминирует китайский капитал. Возьмите тот же Пакистан. Там масса китайских учреждений, но нет ни одного китайца. Китай очень избирателен. Они предпочитают не Казахстан, не Алтай, а Гарвард. В этом смысле китайской проблемы нет.

Чернышов Ю.Г.: Я думаю, надо осмыслить то, почему к Казахстану у нас такой бурный интерес. На самом деле, Казахстан для нас, особенно для Алтайского региона, очень важен. Потому что, если посмотреть на карту, то Казахстан – это та территория, которая отделяет нас от угроз, происходящих с мусульманского юга и из Китая. Если какой-то удар пойдёт с юга на север, то этот удар пройдёт через Казахстан. Поэтому мы все очень заинтересованы вместе с казахстанцами в том, чтобы там была стабильная ситуация.

Мы очень похожи. Трудно найти более похожие страны и по национальному составу, и по менталитету, и даже по геополитическому положению. Это тоже не такая уж маленькая Евразия.

И проблемы у нас во многом сходны. Даже эволюция политических режимов удивительно схожа. Одни и те реакции на «цветные революции» мы наблюдаем. Если выбрали вариант всячески предотвращать любые угрозы смены власти, значит, надо любую оппозицию под видом борьбы с угрозой «оранжевой революции» истреблять... На одной из конференций мы приводили пример. Письмо замминистра МВД Казахстана по поводу того, какие меры надо принять, чтобы не допустить «цветные революции» в Казахстане: раздать милиционерам 17000

пистолетов, 100 пулемётов. Самая простая реакция власти, как встречать «цветную революцию» вместо того, чтобы как-то развить диалог с оппозицией и т.д.

Эти фобии и многие другие проблемы у нас общие, поэтому нам на будущее надо подумать и о том, чтобы и дальше выбрать наиболее актуальные и интересные и для нас, и для казахстанцев подходы, и дальше продолжать обсуждение этих тем.

Третье заседание

Обсуждение докладов Шерстовой Л.И., Шараева П.С., Нагайцевой Е.А., Охотникова А.Ю., Кагировой Г.В., Волобуевой М.М., Дитца А.Х.

Охотников А.Ю.: По поводу того, о чем говорили Елена Тарасова и Евгения Нагайцева. Дело в том, что это наш совместный проект, и я могу прокомментировать общую ситуацию, которая сложилась в образовании казахстанских студентов в России, их положение. Соответственно, могу добавить, вчера прозвучал запрос на какие-то конкретные рекомендации для вузов. Могу высказать то, что можно рекомендовать в сложившемся положении, также добавлю некоторые сведения о том, как этот проект и это обследование осуществлялось в Новосибирске, и к каким результатам мы пришли.

В Новосибирске было опрошено 45 студентов политехнического университета, надо признать, что политехнический университет имеет самое большое количество иностранных студентов в городе, и по казахстанским студентам прочно держит такое первенство. Если в НГУ общее количество иностранных студентов не превышает пятисот чел., то соответственно в НГТУ только казахстанцев четыреста пятьдесят – четыреста семьдесят чел. Сразу же скажу, что эта цифра весьма текущая, потому что многие получают российское гражданство, снимаются с учета.

По поводу ситуации: мы имеем определенную этноязыковую напряженность, в том числе и в сфере высшего образования в Казахстане, мы имеем спрос на услуги российского образования. Эти процессы мы менее чем удовлетворительно способны отследить, потому что нет больших мониторинговых сетей, которые бы этим занимались, нет возможности сделать детальный, четкий прогноз для конкретных вузов. В общем-то, время, когда вузы работали на своем старом авторитете, когда можно было вслепую брать из такой солидной демографической популяции новых и новых абитуриентов, по ряду причин проходит, т.е. сейчас время уже взвешенных и весьма конструктивных шагов в этом направлении. Это во-первых.

А во-вторых, мы имеем скромные возможности вузов по мониторингу ситуации и некоторый опыт, который накоплен политехническими вузами, т.е. именно эта часть системы образования наиболее оптимистично смотрится в деле обучения и образования иностранных студентов.

В-третьих, мы имеем популистскую, нестройную доктрину поддержки соотечественников, можно даже сказать, что мы ее практически не имеем. Есть нечто подвижное, очень текучее, аморфное, подстроенное под вкусы масс и какие-то политические моменты.

По поводу новосибирского казахстанского землячества, по поводу казахстанских студентов можно сказать, что у нас их больше, чем в Барнауле. Половина студентов изъявляют желание остаться на месте после окончания вуза, 40% опрошенных называют Новосибирск идеальным местом для проживания, вместе с тем стоит отметить такую вещь, что 20% опрошенных указывают, что они не могут остаться в Новосибирске, прежде всего, по экономическим причинам. Здесь мы имеем большое количество желающих и видим, что город просто не способен принять всех, кто хотел бы остаться, причем это квалифицированные специалисты.

Вообще, казахстанская учебная миграция – процесс чрезвычайно выгодный, даже при том, что казахстанские студенты, например, политеchnики, претендуют, конечно же, на бюджетные места. Но даже при таких условиях это очень выгодно, потому что в довузовской подготовке государство и система образования России не выложили ни гроша, т.е., по сути дела, снимает сливки с казахстанского среднего образования, системы здравоохранения и других программ социального обеспечения. Так что здесь российское образование находится в весьма выгодной ситуации.

Вместе с тем стоит сказать, что анализ ценностных установок немного настораживает, то есть, ситуация слишком оптимистична. По проведенному нами опросу мы получаем собственное представление о казахских студентах как о людях, которые имеют определенный иммунитет к дискриминации по этноязыковому признаку, они этим не озабочены. Они аполитичны, то есть только 6% опрошенных заявляют о том, что успех в жизни зависит от обладания властью и уважения в обществе. Настроены чрезвычайно прагматично, предпочитают достаток, семью, работу. Среди ценностей, которые были указаны, дисциплинированность, это видно в том числе и по тому, как заполнялась анкета – она была очень длинная и пространная. Также они готовы к трудностям. Хорошо приспособлены к существованию в авторитарном обществе. Здесь можно говорить о том, что 30% опрошенных заявили, что не видят

разницы между российским и казахским обществом. Из этого можно сделать вывод, что к политике и к политической активности эти люди не имеют отношения. Здесь можно говорить о том, что это люди, прежде всего, сегодняшнего дня. Такое положение, конечно же, устраивает современную Россию, но, когда речь идет о будущих специалистах, невольно думаешь, что же будет завтра. Это не те люди, которые изменяют Россию, это те люди, которые ее стабилизируют.

Мы имеем минимальные этноязыковые сложности, они адаптируются довольно быстро. Мы имеем людей, которые готовы работать и учиться, но в то же время таких, которые в свое время прошли авторитарную закалку, именно по русскому образцу. Очень многие вещи, которые в современном обществе должны были вызывать чувство протеста, у этих людей вызывают определенный вариант бегства – внутренняя миграция.

Далее из того, что можно было бы рекомендовать. Мы обратили внимание на то, что очень эффективной оказалась практика выездных комиссий для привлечения казахстанских студентов в Новосибирский государственный технический университет. До 90% опрошенных нами поступили в него именно так – через выездные комиссии. Весьма важным является также использование договоров со школами Казахстана, а также выработка администрацией вузов программ стипендиального обеспечения для студентов из Казахстана, имеющих высокий учебный потенциал.

Когда речь идет об образовании, имеется в виду ситуация в будущем. В Новосибирске весьма актуальной стала проблема незаконченного высшего технического образования. Как только человек начинает работать, как только он понимает, что кое-что может в своей профессии, он по 5–10 лет не заканчивает вуз и совершенно спокойно работает. Для того, чтобы поддержать качество образования, чтобы дать человеку завершить этот проект, все-таки желательно стипендиальное обеспечение. И это окажется немаловажным моментом в деле привлечения казахстанских студентов вообще.

Желательно было бы также консолидировать усилия землячества, т.е. тех казахстанцев, которые уже состоялись как специалисты, и соответственно в полной мере участвовать в жизни города. Чтобы реально определить, сколько нужно молодых специалистов, т.е. какова ниша, которую могут занять эти люди, необходимо проводить мониторинг рынка труда. Также необходимо корректировать образовательные услуги. Об этом в Новосибирске идет речь уже очень давно, но это всего лишь слова. Губернатор периодически вызывает на ковер ректоров вузов и задает им сакраментальный вопрос: зачем нам столько

юристов? Но здесь необходима систематическая работа. Кроме того, весьма заметен перевес в сторону технических профессий и специальностей. Здесь приоритет не в последнюю очередь связан с разницей учебных программ казахстанских и российских школ, т.е. очень многих казахстанских школьников, претендующих на гуманитарные специальности, ограничивает именно незнание российской истории. Здесь весьма целесообразен возврат к практике рабфаков и предвузов, которые можно размещать на территории Казахстана и там готовить к поступлению на гуманитарные специальности. Этот момент весьма актуален для российских классических университетов, где доля казахстанских студентов весьма невелика.

Кроме того, по результатам опроса была замечена такая интересная вещь: когда заполняли таблицы с оценками качества, положительных и отрицательных черт характера русских и казахов, примерно 20% опрошенных отказались заполнять таблицу. Преимущественно мужчины и преимущественно старшекурсники. Я считаю, это произошло потому, что, обладая большим этнокультурным опытом, в особенности в русско-казахских отношениях, люди просто не владеют языком и не владеют определенной сеткой – что этично и не этично, прилично и не прилично. Здесь весьма показательна необходимость внедрения в программу, в данном случае технического вуза, элективных курсов – этнологических, культурологических и регионоведческих, чтобы люди, уже более или менее состоявшие в профессии, студенты 3–4 курсов, получали эту информацию по мере необходимости, а не тогда, когда этого захочет администрация вуза. Все эти курсы читаются на 1–2 курсах, в то время как запрос на подобную тематику появляется сравнительно поздно. Стоит отметить, что студенты, которые участвовали в заполнении таблиц, не имеют такого признанного уровня ксенофобии, скорее, присутствует определенное уважение и стремление к толерантности. Основной грех, в котором упрекают казахов, – это национализм, но он не является какой-то личностной чертой, скорее, это уровень государственной политики. И наоборот, казахи – референтная группа для опрошенных студентов в отношении гостеприимства, в отношении традиций и в отношении семьи.

Бойко В.С.: У меня вопрос к Л.И. Шерстовой. Она решила блестящую научную задачу. В своих трудах она доказала, что аборигены Южной Сибири принадлежали и принадлежат к центральноазиатской цивилизации. Можно ли это сказать и о тюрках вообще? Можно ли нас считать не только граничащими с этим регионом, но и принадлежащими к нему по многим показателям?

Шерстова Л.И.: Вопрос, конечно, интересный. Мне представляется, что Южная Сибирь – это часть Центральной Азии, потому что тесные генетические процессы, процессы военные, процессы государствообразования, которые шли в Центральной Азии, так или иначе не просто затрагивали Сибирь, но и перемещались на ее территорию. Достаточно вспомнить древних киргизов, которые оказались на территории древнего Енисея, Уйгурское государство в Туве, а Уйгур – это сейчас поселение Западного Китая и т.д.. Мне представляется, что Южная Сибирь своими историческими, этнокультурными судьбами, безусловно, является частью Центральной Азии, потому что дальше начинается таежный мир с иным комплексом этнокультурных традиций, с другими путями и вариантами развития, и он существенно отличается от того региона, о котором мы говорим.

Кругова Н.И.: У меня тоже вопрос к Людмиле Ивановне. Вообще, этническая ситуация на юге Западной Сибири очень сложная и не поддается какому-то однозначному решению. И вот один из таких моментов. Насколько я знаю, до сих пор филологи не решили вопрос о том, сколько языков существует вообще на территории Алтая. Языки не изучены, не описаны. Так каким образом можно характеризовать все многообразие этой этнической ситуации? И разрешается филологически эта проблема или нет?

Шерстова Л.И.: Проблема языкового многообразия действительно существует. Скажем, если была Горно-Алтайская автономная область, всех считали алтайцами, поэтому, естественно, особого внимания изучению языков, скажем, народов северного Алтая, не уделялось. И те работы Баскакова, которые есть у нас, на сегодняшний день являются основными, базовыми и сейчас. Язык является одним из элементов, которые влияют на формирование идентичности, но в то же время мы можем привести много примеров, когда народы говорят на одном языке, а соотносят и отождествляют себя с другими группами, т.е. другой этничностью. В данном случае язык – это важнейший принцип. Но можно потерять язык, потерять территорию, все потерять, но если у нас сохранится самосознание, то в принципе мы можем восстановить и государство. Вот еврейский язык был восстановлен. Хотя проблема существует. У нас сейчас в тюркологии очень сложная ситуация по Сибири. В Хакасии есть своя тюркологическая школа, и в Горно-Алтайске есть своя. Раньше, по крайней мере, у всех нас был Леонид Павлович Потапов, который как бы символизировал всю сибирско-тюркскую этнографию, и мимо него никто не мог пройти. А сейчас получается, что разброс мнений еще больше увеличился, и выдвигаемые в различных центрах гипотезы даже с точки зрения XIX в.

абсолютно неправдоподобны, нереальны. Кроме того, мы должны иметь в виду, что язык развивается, что формируются какие-то переходные группы, переходные диалекты, они также могут стать основой формирования языка. Сейчас привязывают языки к этим группам, которые получили статус самостоятельного народа, потому что, как ни странно, до 90-х гг. не все народы, населяющие Алтай, имели свой этноним в списке народов России.

Коробкова Н.П.: У меня вопрос сначала к Людмиле Ивановне, а затем к следующему докладчику, Павлу Сергеевичу.

Насколько вот такие искусственные этнонимы, как «истинный алтаец», которые являются, естественно, плодом воображения и конструирования в рамках новой интеллектуально-национальной элиты, воспринимаются и усваиваются общественным массовым сознанием? Я хочу напомнить коллегам, что в Алтайском крае уже в 80-х гг. стали активно создаваться культурно-национальные центры, инициатором которых выступала ассоциация «Балтика – Сибирь», у истоков которой стояли преподаватели АлтГУ. Деятельность этой ассоциации была поначалу настороженно воспринята и властью, поскольку не последовало соответствующей директивы сверху, и некоторыми этническими меньшинствами, в частности, евреями, немцами, которые воспринимали это как очередную провокацию. Но прошло какое-то время, и эта инициатива получила поддержку общества. Все центры были очень быстро созданы, за исключением центра Русской культуры, и, в общем-то, с самого начала было понятно, что это будет мертворожденное дитя. Но ассоциация «Балтика – Сибирь» с самого начала предполагала, что центры будут не просто существовать, а вести какую-то деятельность, благодаря которой удастся наладить культурно-национальный диалог. Поначалу именно к этой деятельности и привлекалось общественное внимание. Но когда ассоциация «почила в бозе», каждый центр замкнулся в рамках своей культуры, и не более того. Я вот, например, могу сказать, что поначалу Еврейский центр очень активно приглашал на свои праздники, в свои лагеря представителей других культур. Но как только они начали получать очень большие гранты и соответственно финансовую поддержку, образовательную поддержку от Израиля, все это, естественно, закрылось для внешнего допуска. Соответственно, вопрос такой: а у вас благодаря этим центрам удастся ли вести такой культурно-национальный диалог?

Шерстова Л.И.: Дело в том, что это обилие идентичностей приводит к тому, что в какой-то период возникает представление, скажем, об истинности какой-то одной идентичности, но через некоторое время ее может сменить представление совершенно противоположное. Вот про-

стой пример – южные алтайцы. Все знают, что у них сохранилась родовая структура. Но специфика родовой структуры заключается в том, что это действительно остатки народов, которые когда-то были самостоятельными на территории, вплоть до раннего средневековья населяя территорию Центральной Азии и Сибири. И, естественно, возникает вопрос: кто является истинным, кто является национальным, представитель какого рода может себя назвать таковым? И получается, что все откуда-нибудь пришли. А кто жил на этой территории? Сравниваются родословные, собираются какие-то предания – это все на рациональном уровне. Они не могут дать ответа на этот вопрос, потому что он в принципе не решаем, так как речь идет о конструировании этничности. А если речь идет о конструкте, то его легко создать, над этим могут работать целые институты. Но совмещается ли эта этничность с населением, на которое направлена? Вспомним западников и славянофилов, пытавшихся представить русскую идею – разве они стали достоянием всего русского этноса? А теперь представьте Алтай или Хакассию, какой угодно регион... В данном случае речь идет о том, что это конструкты, эти идентичности не вырезают внутри этих обществ, и поэтому это, с одной стороны, приводит к их обилию, а с другой, – к легкому отказу от них. Таким образом, в конечном итоге это все эфемерно, недолговечно, хотя и может иметь далеко идущие последствия, еще сильнее раздробляя общество, которое и так достаточно размыто и раздроблено.

Шараев П.С.: В Томской области эти центры достаточно открыты, если придете, Вас не выгонят и дадут полную информацию о своей работе. А если Вы задумаете учить, например, идиш, то этому евреи будут только рады и окажут всяческую поддержку. Например, Казахский национальный культурный центр в этом плане достаточно открытый. А что касается грантов, то ведь они по ним отчитываются и всю информацию публикуют.

Рехтин Л.В.: Здесь был задан вопрос о связи самоидентификации и этноса и многообразии языков и прозвучал ответ, что мы можем забыть язык, но, если сохранено самосознание, то язык можно восстановить. И была ссылка на то, что был таким образом восстановлен еврейский язык. В этом случае мы можем привести примеры создания новых языков, каких-то искусственных языков. Но это не значит, что появляются вместе с ними новые культуры. Речь идет именно о языке в понимании Витгенштейна как границы «моего мира», или в понимании Хайдеггера: «мой язык – это мой дом». В связи с этим мне представляется, что нельзя рассматривать проблемы самоидентификации

этноса и проблемы языка отдельно, они должны быть в самой тесной взаимосвязи.

Курныкин О.Ю.: У меня вопрос к Людмиле Ивановне. Насколько я понял из доклада, процессы этнической локальной идентификации налагаются на активизацию общетюркского самосознания. Так вот, насколько соотносятся эти процессы, и может ли подъем общетюркского самосознания наполниться каким-то политическим содержанием?

И еще один вопрос к Павлу Сергеевичу. Лидер Славянского общества, до недавнего времени вице-губернатор Алтайского края активно пропагандировал идею о том, что представительство тех или иных этносов во властных и экономических структурах должно соответствовать их доле в численности населения Алтайского края. Есть ли у вас в Томской области такие идеи и такие структуры, как Славянское общество, и чем они занимаются?

Шерстова Л.И.: Что касается этих пантюркистских настроений, то они были сильны в начале 90-х гг., когда делались попытки открытия Турецко-хакасского лицея по аналогии с Турецким лицеем в Якутии. Потом то же самое происходило в Горном Алтае, но там это не прошло. Интерес к этнониму татар и более ранний выход на тюркский мир связан с теми этносами, которые так и не сложились. Это не затронуло весь тюркоязычный мир, и это же мы видим в ситуации с алтайцами. Предположим, что там имеются определенные связи со Стамбулом, но это не привело к поддержке общества. Если говорить об Алтае, то нужно иметь в виду религиозный фактор, который не пользуется в основной массе положительной реакцией со стороны населения. Там есть бурханнизм у теленгитов, есть христианство, к тому же опыт жизни с казахами оказывается не всегда положительным. А что касается пантюркистских идей, то сами по себе они, безусловно, будут оживать. Если будут возникать какие-то кризисные ситуации, то вполне возможно, что эта тюркоязычная масса тоже оживится. Но в данном случае пантюркизм должен быть подкреплён исламом, и тогда он приобретет достаточную политическую силу. А если это просто тюркский язык, то далеко идущих последствий не будет. Тем более, у таких крупных народов, которые уже сформировались и которые реально определяют политическую ситуацию, скажем, в Южной Сибири, как тувинцы, алтайцы, хакасы, якуты, буряты и т.д.

Шараев П.С.: Идеи о том, чтобы во властных структурах были представлены все в процентном отношении, у нас нет, все идет своим чередом, как люди работали, так и работают – есть немцы, татары, русские, украинцы и белорусы. Нет какого-то одного славянского цен-

тра, есть два центра польской культуры, есть центр украинской, отдельно русской и белорусской культур.

Охотников А.Ю.: У меня такая реплика: на самом деле во власть должны идти профессионалы, и совсем не важно, кто они по национальности.

Кряклина Т.Ф.: Идентичность – это определенный социальный институт или определенная система институтов, ценностей, с помощью которых человек идентифицируется с определенной социальной общностью. В выступлениях коллег поднимались вопросы этнической, национальной и религиозной идентичности, и в этом отношении Сибирь, Алтайский край являются очень хорошей сферой, площадкой, на которой можно представить или показать все варианты идентичности.

Хотелось бы обратить ваше внимание на то, что в литературе есть такая точка зрения: этническая идентичность, готовность ее определить у детей замечена в возрасте 16-ти лет. До этого возраста дети не задумываются, к какой национальности они себя относят. Это первый момент. Второй момент, видимо, заключается в том, что идентичность конструируется, меняется, и во многом это зависит от того, в какой среде воспитывался человек, в какой системе ценностей он был, какие образовательные институты он закончил.

В последнее время в американской литературе есть такая точка зрения, что при определении идентичности используется междисциплинарный подход, который предполагает культурологический и ситуативный (т.е. здесь и теперь) аспекты. Очувтившись, скажем, в инонациональной среде в силу каких-либо обстоятельств, люди, которые этнически принадлежат к русским, считают себя казахами, потому что воспитываются и живут в другой культуре. В конечном счете, это личное дело каждого человека, который сам для себя определяет свою идентичность. На каком-то этапе это не играет уже какой-то значительной роли, как это было в период разрушения Советского Союза. Так или иначе, мы сегодня видим уже такие регионы (на примере Новосибирска), где эти культурные и национальные аспекты не значимы, и на передний план выходят общечеловеческие ценности: семья, работа, любовь, жизнь и т.п. Те же факторы были в свое время зафиксированы и у студенческой молодежи г. Томска и Томской области.

Что касается идеи представительства в структурах власти разных национальностей, то она высказывается и среди политиков, но не однозначно воспринимается как политиками, так и учеными, потому что это все-таки временная идея, преходящая. Главным здесь должен быть профессионализм, как и в любом другом деле.

И последнее. Вот здесь говорили по поводу средств, которые выделяются представителям разных этнических групп. В 1979 г. было постановление Совета министров относительно того, чтобы признать 26 малочисленных народностей, которые проживают на территории СССР. В эту группу народностей вошли кумандинцы, шорцы и т.д. Северные народности – в силу определенных генетических особенностей и в силу выполнения международной декларации о правах малочисленных народностей, которые проживают на территории СССР, были выделены в особый статус для того, чтобы просто сохранить их генофонд, их культуру и т.п. Поэтому, может быть, другим народам не стоит задавать такие вопросы, почему эти средства не выделяются другим народам.

Очень дружно на нашей секции выступили томичи. Это не случайно, потому что там есть целый коллектив, который занимается этими проблемами под руководством Людмилы Ивановны, а вот упрек в адрес алтайских ученых, я считаю, несправедлив.

Закрытие конференции

Чернышов Ю.Г.: Спасибо Тамаре Федоровне, Людмиле Ивановне за великолепное ведение сегодняшних заседаний и глубокие комментарии!

Переходим к подведению итогов и обсуждению тем наших следующих встреч. Прошу всех желающих ответить кратко на два вопроса: каково впечатление о конференции и какова возможная тема следующей конференции? Какой именно аспект нужно выбрать, чтобы, с одной стороны, привлечь многих ученых, разных специальностей. Второе условие – чтобы это было интересно и представителям общественности и власти, чтобы это имело прикладной характер. Наши конференции все-таки не совсем уж «сухо-академичные», не оторванные от реальности. Мы хотим, чтобы это имело практический выход, чтобы это вызывало интерес и т.д. Вот об этом просьба подумать.

На мой взгляд, конференция получилась, несмотря на отсутствие гранта. У нас прозвучало 20 докладов, в том числе и те, которые не были запланированы. Было около 50 выступлений. Сборник получится весьма содержательным, с учетом того, что уже опубликовано в Интернете. Это будет довольно интересное издание.

Я хотел бы поблагодарить наших гостей из Казахстана, Томска, Новосибирска. Мы очень рады сотрудничеству с ними и надеемся, что следующие проекты будут совместными.

Хочу поблагодарить также своих коллег – членов оргкомитета, которые старались сделать так, чтобы все было четко организовано, чтобы гости чувствовали себя комфортно.

Итак, какие предложения?

Заусаева Н.А.: Я предлагаю в следующем году обсудить такой круг вопросов: особенности формирования политических элит власти, центров власти, и в том числе региональные особенности. На нынешней конференции мы сталкивались с этими проблемами много раз – и национальная составляющая, и этническая, и культурная. Здесь можно выделить и олигархический момент власти, который сегодня был предметом интереса, и бюрократическую составляющую власти. С точки зрения международных отношений власть – это тоже основной субъект.

Козулин В.Н.: У меня пожелание несколько другое. Я бы хотел обратить внимание на то, что на нашей конференции часто затрагивалась проблема имиджа страны и имиджа региона. Мне кажется, что эти темы можно связать с национальным вопросом. Это привлекло бы внимание не только ученых, но, возможно, какую-то часть политической элиты, потому что эта проблема действительно сейчас актуальна и во многих регионах создаются специальные организации, центры по формированию и улучшению имиджа этих регионов, например, в Пермской области. У нас пока над этим не работают основательно, и можно было бы высказать пожелания по этому вопросу.

Шерстова Л.И.: Я, во-первых, хочу поблагодарить организаторов конференции. Я думаю, что наше мнение будет общим: все было организовано хорошо, деликатно и тактично. Приятно было слушать доклады, приятно было общение. Мне кажется, конференция отличалась заинтересованностью, по сути дела, со стороны всех присутствующих, если судить по тому, как шли наши обсуждения. Я думаю, мы вынесли с этой конференции довольно много, у нас получилось живое, неформальное общение, которое действительно доставляет удовольствие.

Что касается пожеланий, то можно обратить внимание на следующее: вольно или невольно, но, кроме этнических проблем, мы постоянно выходили на проблемы конфессиональные. Если проблемы этнические достаточно активно сейчас разрабатываются, то к конфессиональным мы подходим с определенной настороженностью. Здесь требуется определенная деликатность, однако без выявления конфессиональной картины современной России и особенностей ее сопряжения с остальным миром нам трудно представить и современную Россию, и Сибирь. Эти процессы идут достаточно интенсивно и формируют новые идентичности, новые культурные типы восприятия и начинают влиять не только на общественную жизнь, но и на политические процессы.

Хилькова Н.В.: Хотелось бы также присоединиться к благодарности в адрес организаторов этой конференции. Мне тоже было здесь интересно. Особенно хотелось бы выделить недавнее выступление

Людмилы Ивановны как профессиональное и очень глубокое. В связи с этим вспоминается наш вчерашний разговор и вопрос, заданный томичам: с кем вы ассоциируете Томскую область и Томск? Для меня лично Томск – это университет. Что касается тем, то, может быть, интересна тема советской идентичности и ее влияния на современный процесс.

Субботина Л.Л.: Мне повезло, потому что я могу назвать себя старожилом таких конференций. Они мне очень нравятся, так как развивают мой кругозор как деятеля общественной организации и как специалиста. Я хотела бы вернуться к теме 1998 г., связанной со становлением гражданского общества. Хорошо бы было проанализировать, что изменилось за 8 лет. В 1998 г. к нам приезжала М.Е. Салье и выступала на тему местного самоуправления. Сейчас у нас по этому поводу вышел закон. Он насколько революционный, настолько же и противоречивый. Поэтому одна из тем, которая была бы практически интересна, – это тема самоуправления.

Штанько М.А.: Я бы предложила специфичный аспект – проблему, находящуюся на стыке национальной мифологии и национальной идеологии.

Савкович Е.В.: Я хотел бы предложить заняться футурологией, т.е., если мы говорим о современных процессах, мы делаем какие-то прогнозы и не всегда их фиксируем. Мы живем и видим изменения, которые происходят постоянно, например, укрупнение регионов. Можно посмотреть, в какую сторону мы все-таки будем развиваться в дальнейшем, как мы выглядим на фоне окружающего мира, например, Казахстана.

Краснобаева Н.Л.: Мне тоже хотелось поблагодарить организаторов конференции и всех участников, потому что у нас был такой интеллектуальный бум, во время которого появилось такое количество мыслей, что, дай Бог, их за год разгрести. Большое спасибо за внимание к Казахстану. В этой связи мне хотелось бы предложить такое направление работы, в котором бы были учтены вновь возникшие вопросы. Хотя у нас самая большая граница и мы часто друг к другу ездим, однако мы еще мало друг о друге знаем. Надо проанализировать больше различных позиций, различные формы взаимоотношений, чтобы понять друг друга, чтобы учесть это в будущей работе.

Чернышов Ю.Г.: Диапазон предложений оказался довольно широким. Звучала, в частности, тема связи этноконфессиональной ситуации с вектором политического развития. Религию и мифологию мы пока, действительно, на наших конференциях «впрямую» не трогали. Мы эту тему деликатно обходили, хотя она приобретает все большее

значение. Может быть, стоит рассмотреть эти вопросы на примере России и Казахстана? Ну и, наверное, европейский опыт тоже полезно учитывать. Так мы не слишком далеко отойдем от сегодняшней темы, которая, конечно, тоже нуждается в дальнейшем изучении. Будем считать, что приоритеты контурно намечены, а над формулировками будем еще думать.

Спасибо еще раз всем, кто принял участие в конференции, и до новых встреч!